

А. Н. Мандельштамъ,

бывшій Первый Драгоманъ Императорскаго Россійскаго Посольства въ
Константинополь, Членъ-Сотрудникъ Института Международнаго Права.

МЛАДОТУРЕЦКАЯ ДЕРЖАВА.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.

Москва — 1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Наслѣдство Абдула-Хамида	3
II. Младотурецкій режимъ	7
1. Внутренняя политика младотурокъ	7
Первый періодъ	7
Второй періодъ	16
Третій періодъ	29
Четвертый періодъ	31
2. Внѣшняя политика младотурокъ	36
III. Трагедія турецкаго народа	61

Младотурецкая держава.

I.

Наслѣдство Абдула-Хамида.

10 и 11 июля 1908 г. молодые турецкіе офицеры македонской арміи почти безъ кровопролитія положили конецъ одному изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ турецкой исторіи. Въ Реснѣ, Охридѣ, Монастырѣ, Салоникахъ, Ускюбѣ гремѣли пушечные выстрѣлы въ честь восстановленной конституціи. Сербскіе, болгарскіе и греческіе четники торжественно вступали въ македонскіе города и братались съ турками, а въ Константинополь Абдуль-Хамидъ—Красный Султанъ—дрожащими руками прикладывалъ свою печать (тугру) къ предъявленному ему указу о созывѣ парламента, въ которомъ признавалась необходимость уступить народному движенію во избѣжаніе кровопролитія и иностраннаго вмѣшательства.

Какое же наслѣдство оставилъ Абдуль-Хамидъ поднявшейся молодой Турціи?

Внутри страна представляла изъ себя приходящую въ полное разореніе вотчину одного изъ величайшихъ деспотовъ, которыхъ когда-либо зналъ Востокъ. Съ 1876 г., т.-е. съ тѣхъ поръ какъ Абдуль-Хамидъ отослалъ домой депутатовъ перваго турецкаго парламента, всякая общественная и частная инициатива подавлялась съ величайшей жестокостью. Вслѣдъ за авторомъ злополучной конституціи Мидхатомъ-пашой тысячи турокъ, въ особенности молодыхъ офицеровъ, заплатились жизнью за приписываемыя имъ либеральныя убѣжденія. Другія тысячи гнили въ тюрьмахъ или томились въ ссылкѣ, притомъ въ большинствѣ случаевъ по ложнымъ доносамъ. Шпіонство (хафіелькъ) сдѣлалось государственнымъ институтомъ, на поддержаніе котораго султанъ не жалѣлъ никакихъ тратъ,—институтомъ, который Абдуль-Хамидъ долженъ былъ по восстановленіи конституціи отмѣнить особымъ указомъ (отъ 17 июля 1908 г.). Опаснѣйшій нравственный ядъ капля за каплей проникалъ въ

народный мозг и медленно, но верно отравлял его. Можно смѣло сказать, что слово „журналъ“ (донось) стало символомъ абдуль-хамидовской эры.

Всѣ благодѣтельные реформы Абдула-Азиза были сведены на-нѣтъ. Городское и провинціальное самоуправленія существовали только по имени. Не велось правильного государственнаго хозяйства: бюджетъ не публиковался вовсе. Абдуль-Хамидъ, не стѣсняясь, безпрестанно требовалъ отъ валіевъ (генералъ-губернаторовъ) крупныхъ взносовъ въ султанскую казну, а валіи въ свою очередь облагали незаконными поборами населеніе. Ежегодный дефицитъ этого чисто-хищническаго хозяйства достигалъ 2 милліоновъ лиръ; онъ покрывался посредствомъ займовъ и путемъ сокращенія самыхъ необходимыхъ расходовъ. Солдаты голодали. Чиновники и офицеры получали содержаніе крайне неисправно, иногда только за нѣсколько мѣсяцевъ въ году; поэтому они уступали обыкновенно право на полученіе жалованья ростовщикамъ за 50, иногда за 30, даже за 15%. Въ связи съ этимъ взяточничество развилось до чудовищныхъ размѣровъ, особенно въ судѣ. Этотъ продажный судъ находился, кромѣ того, въ тѣсной зависимости отъ дворца и администраціи, въ особенности, конечно, въ политическихъ дѣлахъ. Турецкая пресса изнемогала подъ ярмомъ самой беспощадной предварительной цензуры и совершенно не могла касаться ни внутренней, ни внѣшней политики правительства; ей предоставлялось только въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ пресмыкаться передъ Султаномъ и рассказывать о посѣщеніи имъ селамлика. Дѣло народнаго просвѣщенія было сосредоточено въ самыхъ невѣжественныхъ рукахъ, и изъ преподаванія въ высшихъ и низшихъ школахъ беспощадно изгонялось всякое проявленіе истинно-научнаго духа; даже нѣкоторыя священныя мусульманскія книги конфисковались по приказанію Султана за содержащіяся въ нихъ „вольныя“ мысли объ обязанностяхъ халифа по отношенію къ народу.

Что касается, въ частности, *христіанскихъ подданныхъ* Султана, то привилегіи церковныя, школьныя, юридическія (въ области брака и завѣщаній), издревле принадлежащія патріархатамъ, формально у нихъ не были отняты, хотя часто нарушались. Правительство Абдула-Хамида не отрицало даже права патріарховъ дѣлать ему представленія. Но хотя протесты патріархатовъ противъ нарушенія привилегій, особенно когда они сопровождались закрытіемъ церквей, иногда и имѣли нѣкоторые результаты,—они никогда не достигали цѣли, когда Султанъ считалъ почему-либо нужнымъ посягнуть не на привилегіи, а на самую жизнь своихъ христіанскихъ подданныхъ. Сотни тысячъ несчастныхъ армянъ, зарѣзанныхъ въ концѣ 90-хъ годовъ по личному приказанію Абдула-Хамида, десятки тысячъ македонцевъ, погибшихъ отъ рукъ мучителей, дѣйствовавшихъ по его же указкѣ и наущенію, свидѣлствуютъ

передъ исторіей объ истинномъ отношеніи Абдула-Хамида къ своимъ христіанскимъ подданнымъ.

Одни *иностранцы* находились внѣ предѣловъ досягаемости султанской власти. Вполнѣ понятно, что чѣмъ тяжелѣе и ужаснѣе становился турецкій режимъ, тѣмъ ревнивѣе иностранныя державы оберегали права своихъ подданныхъ, обеспеченныя старинными *капитуляціями*, и даже по возможности стремились къ ихъ расширенію. Какъ извѣстно, въ силу капитуляціоннаго права каждый иностранецъ въ Турціи *въземленъ*; въ его домъ не можетъ войти безъ согласія его консульства турецкая полиція; безъ этого же согласія онъ не можетъ быть арестованъ. Всѣ дѣла между иностранцами подсудны не турецкимъ, а консульскимъ судамъ. Смѣшанныя дѣла между турками и иностранцами разбираются въ турецкихъ судахъ, но рѣшенія по нимъ недѣйствительны, если не утверждены присутствующимъ на нихъ консульскимъ представителемъ. Предварительное заключеніе и наказаніе иностранецъ долженъ отбывать не въ турецкихъ, а въ консульскихъ тюрьмахъ.

Эти такъ называемыя *юридическія капитуляціи* ¹⁾ далеко не исчерпываютъ собою привилегій иностранныхъ подданныхъ въ Оттоманской Имперіи. По договорамъ, иностранцамъ обеспечена полная *свобода торговли* въ предѣлахъ Турціи, и вывозныя пошлины опредѣлены въ 8% ad valorem; только въ 1907 г. Порта добилаь отъ державъ повышенія пошлинъ до 11%, и то лишь подъ условіемъ употребленія излишка поступленій на македонскія реформы. Пиканіе *налоги* не могутъ взиматься съ иностранцевъ безъ согласія ихъ правительствъ; такъ, напри- мѣръ, они уплачиваютъ поземельный налогъ только вслѣдствіе принятія державами турецкаго закона 1867 г. о недвижимостяхъ. Экономическая зависимость Порты отъ державъ усиливается еще тѣмъ, что правительство не имѣетъ права учрежденія *монополій*. Наконецъ, какъ извѣстно, обанкротившаяся послѣ послѣдней войны съ нами Турція должна была допустить декретомъ 28 мухарема 1299 (20 декабря 1881 г.) учрежденіе въ Константинополь особоі комиссіи для погашенія *оттоманскаго публичнаго долга* (Dette Publique Ottomane), состоящей изъ представителей иностранныхъ кредиторовъ Порты. Этому учрежденію были отданы доходы съ шести государственныхъ налоговъ (на табакъ, соль, рыбныя промыслы, шелководство, спиртъ, а также гербовый сборъ), причемъ администрація Dette Publique собираетъ эти доходы черезъ посредство своихъ собственныхъ органовъ.

Низкій уровень турецкой государственности вполнѣ естественно привелъ къ европейскому вмѣшательству и въ другія области оттоманскаго управленія. Такимъ образомъ, на турецкой территоріи въ концѣ XVIII в.

¹⁾ Подробное описаніе современнаго капитуляціоннаго режима можно найти въ *моей* книгѣ: „La Justice Ottomane dans ses rapports avec les Puissances Etrangères“. Paris, 1911.

возникли иностранныя *почтовые* учрежденія, молчаливо признанныя Портой. Въ 1840 г. въ Константинополь образованъ *международный санитарный советъ* изъ иностранныхъ и турецкихъ членовъ, имѣющій цѣлью защиту Турціи, а черезъ нее и Европы, отъ эпидемическихъ болѣзней; советъ облагаетъ торговое мореплаваніе особымъ сборомъ въ свою пользу и имѣетъ въ своемъ распоряженіи многочисленный санитарный персоналъ во всей Имперіи. Имѣется также *международная коммисія маяковъ* и *международная коммисія спасанія на водахъ*.

Указанныя мною *ограниченія турецкаго суверенитета* распространились на всю Имперію. Помимо того, особенно возмутительное хозяйничаніе Абдула-Хамида и его клеветовъ въ той или другой области приводило къ европейскому вмѣшательству въ управление данной частью Имперіи. Такъ, армянская рѣзня 1895 г. привела къ вмѣшательству Россіи, Франціи и Англіи и принятію султаномъ *декрета объ армянскихъ реформахъ 20 октября 1895 г.*, который остался, впрочемъ, мертвой буквой. Положеніе дѣлъ на *Критѣ* заставило державы выработать особый регламентъ, по которому управленіе передавалось христіанскому генераль-губернатору, назначаемому Султаномъ съ согласія державъ. Султанъ принялъ регламентъ 27 августа 1896 г. Съ тѣхъ поръ четыре державы (Россія, Франція, Англія и Італія) взяли автономію Крита подъ свое покровительство; въ 1898 г. онѣ заставили Турцію вывести свои войска, а въ 1899 г. участвовали въ выработкѣ критской конституціи. Режимъ притѣсненія христіанъ въ *Македоніи* привелъ сначала къ возстанію 1903 года, затѣмъ къ учрежденію *русско-австрійскаго контроля* путемъ придачи гражданскихъ агентовъ турецкому генераль-инспектору (въ 1903 г.), а впослѣдствіи къ учрежденію въ Македоніи международной жандармеріи и международной финансовой коммисіи.

Такимъ образомъ, подводя итоги *хамидовскому режиму*, можно сказать, что онъ развилъ до крайней степени всѣ отрицательныя черты, вообще свойственныя турецкой государственности: *деспотизмъ* по отношенію ко всѣмъ подданнымъ; особенно жестокое притѣсненіе, а иногда и избіеніе христіанъ; поддержаніе въ народѣ *невѣжества* и *религознаго фанатизма*. Такой режимъ вполне естественно привелъ къ усиленію европейской охраны правъ иностранцевъ во всей Турецкой имперіи и къ установленію международного контроля надъ управленіемъ нѣкоторыми областями.

Но помимо этого общеевропейскаго вмѣшательства, осуществляемаго во имя интересовъ права и цивилизаціи, Абдуль-Хамидъ допустилъ и другое вліяніе, уже вполне эгоистичное, и отъ развитія коего суждено погибнуть его имперіи. Это—*вліяніе Германіи*.

При Абдуль-Хамидѣ были призваны нѣмецкіе военные инструкторы.

При немъ императоръ Вильгельмъ дважды посѣтилъ Турцію и объявилъ себя другомъ всѣхъ мусульманъ. При немъ германскому обществу была выдана концессія на багдадскую желѣзную дорогу. При немъ волна нѣмецкихъ колонистовъ нахлынула на Азію. Не кто иной, какъ онъ, открылъ нѣмцамъ первыя, *наружныя* ворота турецкаго дома. Младотурки открыли вторыя—внутреннія. Въ глазахъ мусульманскаго міра тотъ же великій позоръ падаетъ и на стараго Султана, и на молодую Турцію. Не менѣе младотурокъ Абдуль-Хамидъ виновенъ въ томъ, что нѣмцы не только проникли въ ветхій теремъ султаната, но и вынесли оттуда въ своихъ воровскихъ рукахъ зеленое знамя халифовъ.

II.

Младотурецкій режимъ.

I. Внутренняя политика младотурокъ.

Первый періодъ.

(10 іюля 1908 г.—13 апрѣля 1909 г.)

Младотурецкая революція разразилась не въ Константинополь, а въ провинціи—въ Македоніи. Это явленіе далеко не случайное, а логически вытекавшее изъ условій хамидовскаго режима. Съ одной стороны, султанъ безпрестанно ссылалъ всѣ сколько-нибудь подозрительные ему элементы въ провинцію, которая въ концѣ-концовъ кишѣла недовольными; съ другой стороны, Македонія изобиловала разительными примѣрами отстаиванія поруганныхъ правъ силою. Охотясь въ теченіе многихъ лѣтъ за четниками, сражаясь съ бандами, молодые турецкіе офицеры многому научились у своихъ славянскихъ и греческихъ противниковъ. Отъ самыхъ видныхъ младотурецкихъ дѣятелей мнѣ приходилось слышать, что первоначальный уставъ тайнаго общества „Единенія и прогресса“ и вся его организація заимствована не у кого иного, какъ у смертельнаго врага турецкаго владычества—*македонской внутренней организаціи.*

Младотурки-эмигранты, такъ называемые „Jeunes Turcs“, пребывавшіе обыкновенно во Франціи и наводнявшіе оттуда свое отечество революціонными брошюрами, конечно, тоже содѣйствовали успѣху освободительнаго движенія; въ особенности велики въ этомъ отношеніи заслуги *Ахмеда-Ризы*, ¹⁾ издателя парижскаго „Мешверета“, очень распространеннаго въ Турціи. Я долженъ, однако, указать, что Абдулу-Хамиду часто удавалось склонять путемъ подкупа многихъ изъ эмигрантовъ къ возвращенію въ Константинополь. Такъ, въ концѣ-концовъ

1) Впослѣдствіи предсѣдателя палаты депутатовъ.

не устоялъ противъ соблазна даже кумирь турецкой либеральной молодежи, издатель „Мизана“ *Мурадъ-бей*. Такимъ образомъ, если турецкая эмиграція и сыграла роль въ освобожденіи Турціи отъ Абдула-Хамида, то, во всякомъ случаѣ, роль не руководящую.

Молодые офицеры оттоманской арміи, вышедшіе изъ константинопольскаго военнаго училища, представляли изъ себя, несомнѣнно, самый передовой элементъ Турціи. Училище это было единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ Султанъ въ силу необходимости допускалъ преподаваніе европейскихъ наукъ; офицеры обладали по-этому извѣстнымъ образованіемъ. Съ другой стороны, условія жизни въ училищѣ наполняли ихъ сердца глубочайшей ненавистью къ Султану, который мирился съ этими образованными юношами лишь какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, слѣдилъ черезъ своихъ шпионовъ за каждымъ ихъ шагомъ и изъ cadaго выпуска выдѣлялъ извѣстную часть неблагонадежныхъ, которая или ссылалась въ глубь Африки, или даже подвергалась казни. Такимъ образомъ, уцѣлѣвшее молодое турецкое офицерство вполне естественно считало себя предназначеннымъ для освобожденія родины отъ хамидовскаго режима.

У македонскаго офицерства къ этимъ чувствамъ присоединилось, начиная съ 1903 г., другое. Видя, какъ съ введеніемъ реформъ Македонія постепенно подпадала подъ иностранный контроль, какъ за гражданскими агентами появились иностранные жандармскіе офицеры и иностранная финансовая коммиссія, турецкіе офицеры, какъ горячіе патриоты, не могли, конечно, не чувствовать себя глубоко оскорбленными. Имъ казалось, что Султанъ продаетъ родину иностранцамъ. А когда состоялось *ревельское свиданіе* и распространились слухи о довершеніи реформъ въ Македоніи путемъ назначенія христіанскаго генераль-губернатора съ обширными полномочіями, чаша терпѣнія турецкихъ офицеровъ и другихъ участниковъ тайной партіи „Единенія и прогресса“ была переполнена. „Герои свободы“ *Эверъ* и *Ниязи* подняли знамя возстанія, движеніе охватило въ теченіе нѣсколькихъ дней всю Македонію, и Абдуль-Хамидъ, всегда устремлявшій свое вниманіе на столицу и проглядѣвшій волненіе умовъ въ провинціи, счелъ осторожнѣе временно затаить свою злобу и уступить. Революція 1908 г. обошлась странѣ въ нѣсколько только жизней.

Существуетъ мнѣніе, по которому младотурецкая революція есть, главнымъ образомъ, дѣло рукъ *масоновъ*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что масонскія ложи въ Салоникахъ сильно помогли младотуркамъ, многіе изъ коихъ записались въ члены этихъ ложъ. Но этому участію масоновъ не слѣдуетъ приписывать преувеличеннаго значенія. Указанныхъ мною причинъ было вполне достаточно для созданія движенія, а масонская, главнымъ образомъ, денежная помощь могла только ускорить взрывъ.

Сдѣлавшись настоящими властителями Турціи, младотурки не рѣшились, однако, открыто вступить въ управленіе странюю. На первыхъ порахъ они предпочли роль *тайныхъ контролеровъ государственной власти*. Султана Абдула-Хамида они оставили на престолѣ, но заточили наиболѣе ненавистныхъ имъ его приближенныхъ и ввели въ его дворъ преданныхъ имъ людей. Точно такъ же они провели на постъ великаго везира престарѣлаго *Кямыля-пашу*, бывшаго неоднократно везиремъ Абдула-Хамида, и ограничились предоставленіемъ только нѣсколькихъ портфелей своимъ сторонникамъ, вродѣ *Хакки-бея* и *Маниасси-Заде-Рефика-бея*. И въ провинціи всѣ яркіе представители хамидовскаго режима были смѣнены, но должности ихъ поручены не дѣятелямъ переворота, а лицамъ, перешедшимъ на ихъ сторону уже послѣ революціи.

Такой осторожный образъ дѣйствія младотурокъ объясняется, на мой взглядъ, малочисленностью ихъ кадровъ и сознаніемъ своей полной неподготовленности къ серьезной государственной дѣятельности. Всѣ эти молодые офицеры, учителя народныхъ школъ, начинающіе адвокаты, телеграфные и почтовые чиновники, всѣ эти *Эвверы*, *Джавиды*, *Хамлы* и *Талааты* одинаково были въ это время воодушевлены и патріотическими идеалами, и жаждою власти. Но свой переходъ изъ македонскихъ подполій въ зданіе Блистательной Порты они рѣшили совершить не сразу, а послѣдовательными этапами.

Во главѣ партіи „Единенія и прогресса“ (Итихадъ-въ-Тераккы) остался *тайный салоникскій центральный комитетъ*, дававшій директивы отдѣламъ или *клубамъ* партіи, которыми вскорѣ покрылась вся провинція. Но хотя имена членовъ центральнаго комитета не были опубликованы, они вскорѣ стали общеизвѣстными, благодаря ихъ публичнымъ выступленіямъ. Ни для кого не составляло также *тайны*, что представители комитета въ Константинополь каждый день „совѣщались“ съ членами правительства, т.-е. диктовали имъ свою волю. Члены провинціальныхъ клубовъ совершенно открыто вмѣшивались въ дѣла администраціи, требовали отъ валиевъ смѣщенія неугодныхъ имъ чиновниковъ и добивались черезъ центральный комитетъ увольненія непокорныхъ валиевъ. Преобладающую роль въ клубахъ играли офицеры.

Въ сентябрѣ 1908 года центральный комитетъ партіи „Единенія и прогресса“ опубликовалъ свою *политическую программу*, сводящуюся къ измѣненію въ болѣе либеральномъ духѣ конституціи 1876 г.; такъ, выставлялись требованія министерской отвѣтственности, предоставленія палатамъ законодательной инициативы, избранія $\frac{2}{3}$ сената народомъ, всеобщее право голосованія; провозглашалось полное равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ безъ различія расы или вѣроисповѣданія; признавалась свобода союзовъ, свобода преподаванія; всеобщая воинская по-

винность распространялась на *немусульманъ*. Программа содержала также положенія соціального характера, указывая на необходимость усилить крестьянское землевладѣніе и упорядочить отношенія между работодателями и рабочими. Словомъ, младотурки заявляли, что они стремятся къ превращенію *деспотической турецкой мусульманской теократіи* въ *либеральное оттоманское правовое государство*, управляемое на началахъ парламентаризма.

Нѣтъ сомнѣній, что вожди младотурецкаго движенія въ первое время были искренно преданы своей программѣ и вѣрили въ возможность ея осуществленія. Повѣрила имъ и въ нихъ вся Европа, отказавшись отъ контроля надъ македонскими реформами, отозвавъ гражданскихъ агентовъ, жандармскихъ офицеровъ и финансовую комиссію. Но младотуркамъ пришлось встрѣтиться на своемъ пути съ огромными трудностями, оказавшимися не подь силу этимъ среднимъ людямъ и вскорѣ бывшими ихъ изъ колен.

Провозглашеніе независимости Болгаріи и аннексія Босніи и Герцеговины Австрією прежде всего омрачили зарю молодой Турціи и создали ей немало *внѣшнихъ* затрудненій. Но и *внутри* страны, и, главнымъ образомъ, въ столицѣ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ восторговъ, сопровождавшихъ провозглашеніе конституціи, началось сильное броженіе.

Первыя дѣйствія младотурокъ не могли, конечно, не задѣть многихъ интересовъ, связанныхъ съ прежнимъ режимомъ. Уволенные чиновники, павшіе царедворцы, огромная армія прогнанныхъ шпионовъ— все это объединилось ненавистью къ младотуркамъ. Во главѣ недовольныхъ стали люди вродѣ *Мурада*, не принятые, въ виду ихъ темнаго прошлаго, въ члены партіи „Единенія и прогресса“. Походъ противъ младотурокъ былъ начатъ въ газетѣ *Мурада Мизанъ*, принявшей обвинять младотурокъ въ измѣнѣ *шеріату* (мусульманскому священному праву); вскорѣ послѣ этого была устроена манифестация софть передъ дворцомъ Султана; провокаторы вызвали убійство черню грека и его сожительницы-мусульманки; въ нѣкоторыхъ кварталахъ имамы стали врываться въ кофейни и театры и требовать прекращенія противныхъ якобы шеріату представленій; словомъ, сторонники стараго режима всячески разжигали въ мусульманской толпѣ фанатизмъ. Младотурки приняла рѣшительныя мѣры, арестовали зачинщиковъ, доказывали въ газетахъ свою безусловную вѣрность исламу, но цѣль реакціонеровъ была все же достигнута. Мусульманской толпѣ была внушена мысль, что новый режимъ противенъ духу ислама.

Другимъ, идейнымъ, противникомъ младотурокъ выступилъ вернувшійся изъ Франціи эмигрантъ принцъ *Сабахъ-Эд-Динъ*, родственникъ Абдула-Хамида со стороны матери. Принцъ выставялъ себя прежде всего со-

ціальнымъ реформаторомъ, желающимъ разбудить турецкій народъ отъ вѣковой спячки и развить въ немъ частную инициативу; помимо того, Сабахъ-Эд-Динъ являлся горячимъ сторонникомъ политической децентрализаціи (адэми-меркезизетъ). Другими словами, принцъ поставилъ ребромъ самый щекотливый и опасный для молодой Турціи вопросъ о самоуправленіи, обойденный молчаніемъ въ младотурецкой программѣ, которая только обѣщала „расширеніе компетенцій“ провинціальныхъ властей (тевсіи-мезуніетъ), уже предусмотрѣнное конституціей 1876 г., т.-е. административную децентрализацію. Основанная принцемъ лига „Частной инициативы и децентрализаціи“ вызвала поэтому сильное неудовольствіе среди младотурокъ, заподозрившихъ принца, весьма популярнаго среди инородцевъ, въ покровительствѣ стремленіямъ этихъ послѣднихъ къ областнымъ автономіямъ,—стремленіямъ, несогласнымъ съ младотурецкой идеей оттоманизма. Выступленіе Сабахъ-Эд-Дина заставило младотурокъ немедленно взять болѣе опредѣленный курсъ въ этомъ вопросѣ. На принца, несомнѣннаго идеалиста, но безпочвеннаго теоретика и слабовольнаго человѣка, было произведено давленіе, и онъ заявилъ въ публичной лекціи, что присоединяется къ программѣ „Единенія и прогресса“, такъ какъ его „децентрализація“ покрывается понятіемъ „расширенія компетенцій“. Примиреніе было, конечно, только наружнымъ, однако, Сабахъ-Эд-Динъ потерялъ большую часть своей популярности. Такимъ образомъ, младотурки одержали побѣду, но цѣною раскрытія картъ въ самомъ роковомъ вопросѣ своей будущей политики.

Вскорѣ послѣ распаденія лиги Сабахъ-Эд-Дина, въ ноябрѣ 1908 г., у „Комитета“, какъ стали повсемѣстно называть партію „Единенія и прогресса“, появился новый врагъ—союзъ *ахраровъ* (либераловъ). Въ эту партію входило очень мало турокъ, главнымъ образомъ, опять-таки изъ числа обиженныхъ „Единеніемъ и прогрессомъ“, но зато много инородцевъ, особенно грековъ и армянъ. Партія находилась въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сабахъ-Эд-Диномъ, но, наученная его опытомъ, выставила программу, почти ничѣмъ не отличавшуюся отъ программы „Единенія и прогресса“. Однако вожди ахраровъ утверждали, что они одни проникнуты истиннымъ либеральнымъ духомъ, истинной терпимостью по отношенію къ не-мусульманамъ; младотурки же, по ихъ словамъ, стали уклоняться въ сторону узкаго турецкаго націонализма и прибѣгать ко всѣмъ пріемамъ самаго нетерпимаго якобинства.

Въ этихъ обвиненіяхъ была значительная доля правды. Младотурки въ своихъ первоначальныхъ планахъ какъ будто не учли опасности, скрывающейся въ *оттоманизмъ* для турецкой имперіи, въ которой турки составляли меньшинство. Довольно вызывающее поведеніе инородцевъ, въ особенности грековъ, во время выборовъ въ парламентъ, очень скоро

вызвало въ ихъ умахъ соотвѣтствующую реакцію. Одинъ изъ виднѣйшихъ младотурецкихъ дѣятелей, *Хуссейнъ-Джахидъ-Бей*, 25 октября выступилъ даже въ своей газетѣ *Таникъ* съ заявленіемъ, что *господствующей* въ странѣ націей (*миллетъ хахимэ*) является и останется *турецкая*. И хотя въ моментъ появленія статьи Хуссейна-Джахида многіе младотурецкіе дѣятели критиковали ее за излишнюю рѣзкость, — послѣдующія событія показали, что авторъ съ большею чуткостью угадалъ и выразилъ перемѣну въ настроеніи младотурокъ по отношенію къ другимъ народностямъ Имперіи.

Правда, это новое настроеніе не отразилось съ особенною силою на *предоставленіи инородцамъ мѣсть въ парламентъ*. Нападки грековъ и армянъ на младотурокъ за совершенныя послѣдними злоупотребленія во время выборовъ кажутся преувеличенными, такъ какъ въ числѣ 275 избранныхъ въ палату депутатовъ оказалось 60 арабовъ, 25 албанцевъ, 23 грека, 12 армянъ, 3 серба, 4 болгарина, 1 куцовалахъ и 5 евреевъ; такимъ образомъ, почти *половина* палаты состояла изъ *инородцевъ*. Въ столицѣ, гдѣ у турокъ абсолютное большинство, члены партіи „Единенія и прогресса“ провели 5 турокъ, 2 грековъ, 2 армянъ и 1 еврея. Зато партія приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы депутаты-*турки* почти *всѣ* принадлежали къ ея составу; либераловъ и независимыхъ турокъ въ палатѣ оказалось не болѣе 10 человекъ. Нужно при этомъ замѣтить, что члены партіи „Единенія и прогресса“ были обязаны особой *клятвой* во всемъ подчиняться центральному комитету; выходя же изъ партіи, какъ мнѣ въ свое время, не безъ юмора, объяснилъ одинъ изъ извѣстныхъ ея членовъ *докторъ Бехаддинъ-бей*, сопряженъ былъ для выходящаго съ „извѣстнымъ рискомъ“. Такимъ образомъ, комитетъ партіи разсчитывалъ сохранить безусловную власть надъ членами парламентской фракціи и съ ея помощью думалъ захватить власть законодательную, какъ онъ уже овладѣлъ властью исполнительной.

Турецкій парламентъ открылся 4/17 декабря 1908 года. Начало сессіи не оправдало, однако, ожиданій партіи „Единенія и прогресса“. Несмотря на всѣ старанія, ей не удалось привлечь въ свои ряды ни арабовъ, ни армянъ, ни другихъ инородцевъ; не вступая въ блокъ между собою, они все же почти всегда голосовали противъ младотурокъ. И совершенно неожиданно многіе члены партіи стали требовать, несмотря на свою клятву, права свободнаго голосованія. Въ виду этого, походъ, давно уже начатый партіей противъ великаго везира *Кямяля-пашы*, не безъ основаній заподозрѣннаго въ интригахъ противъ младотурецкаго режима, кончился полнымъ фіаско; палата 31 декабря выразила Кямялю-пашѣ довѣріе.

Торжество враговъ Комитета продолжалось, впрочемъ, весьма не-

долго. Престарѣлый великій везирь преувеличилъ значеніе своей побѣды, одержанной съ помощью инородческихъ голосовъ, и рѣшилъ, что насталь моментъ для сокрушенія ненавистой ему партіи, по непонятному недоразумѣнію ввѣрившей ему бразды правленія. Онъ попытался сперва удалить изъ Стамбула преданные Комитету салоникскіе батальоны, а когда это не удалось, самовольно устранилъ изъ министерства наиболѣе яркихъ сторонниковъ „Единенія и прогресса“—военнаго и морского министровъ.

Этотъ образъ дѣйствія Кямиля заставилъ партію собрать всѣ свои силы для того, чтобы его свергнуть. Агитація имѣла полный успѣхъ. Министры, внутреннихъ дѣлъ *Хильми-паша* и юстиціи *Рефикъ-бей*, вышли изъ кабинета, а отставленные министры обратились въ палату съ протестомъ противъ неконституціонности ихъ увольненія. Флотъ заявилъ парламенту объ отказѣ повиноваться новому морскому министру. 31 января 1909 года Кямилю-пашѣ былъ предъявленъ запросъ объ его образѣ дѣйствій. Цѣлый рядъ младотурецкихъ ораторовъ, въ томъ числѣ почтенный улема *Мустафа Асимъ*, въ пламенныхъ рѣчахъ провозгласили начало подчиненія правительства парламенту. А депутатъ майоръ *Хабибъ-бей* заявилъ, что штыки турецкаго войска помѣщаютъ осуществленію замысловъ Кямиля. Присутствіе въ ложахъ и кулуарахъ большого числа младотурецкихъ офицеровъ придадо заявленію Хабиба надлежащее значеніе, и засѣданіе 31 января кончилось полнымъ торжествомъ „Единенія и прогресса“. Кямилю-пашѣ было выражено недовѣріе 198 голосами противъ 8, и онъ подалъ въ отставку; великій везиратъ перешель къ Хуссейну *Хильми-пашѣ*, бывшему генераль-инспектору Македоніи.

Но борьба за власть не только не прекратилась, но приняла еще болѣе ожесточенныя формы. Съ одной стороны, *азрары* (либералы) и стоящіе за ними *инородцы* ежедневно нападали въ многочисленныхъ листкахъ на партію „Единенія и прогресса“, обвиняя ее въ подчиненіи правительства своей тайной диктатурѣ, въ якобинствѣ и преторіанствѣ; съ другой, низшее мусульманское духовенство образовало враждебный новому режиму союзъ „*Мухамеданскаго единенія*“; а софты, эти вѣчные студенты богословія, распространяли въ народѣ слухи о вѣроотступничествѣ младотурокъ, ведущихъ Турцію и исламъ къ гибели. И нити, идущія отъ этихъ антиподовъ—софтъ и ахраровъ, объединялись въ однѣхъ рукахъ—Султана Абдула-Хамида.

Теперь можно уже считать установленнымъ, что весь заговоръ противъ Комитета былъ задуманъ во дворцѣ, въ Ильдызѣ, и исполненъ подъ его руководствомъ. Конечно, какъ инородцы и либералы, желающіе децентрализаціи, такъ и фанатическіе софты, желающіе возвращенія отъ конституціи къ шеріату, стремились къ низверженію общаго

врага—партіи „Единенія и прогресса“. Но только *хамидовское золото* дало имъ возможность осуществленія этого плана. Это золото позволило софтамъ взяться за исполненіе самой опасной части заговора, т.-е. за привлеченіе солдатъ константинопольскаго гарнизона на сторону дворца; въ этомъ они успѣли, внушивъ солдатамъ, что ихъ офицеры франмасоны, употребляющіе въ пищу свинину, и подкрѣпивъ эти аргументы звонкою султанскою монетою. 31 марта 1909 года произошло событіе, называемое младотурками *Хадисси муэллме*, т.-е. *печальное происшествіе*, а противниками ихъ *инкилаби шерхи* — переворотъ во имя священнаго права. Рано утромъ солдаты возмутились противъ своихъ офицеровъ, перебили часть изъ нихъ и заняли площадь передъ св. Софіей, требуя отставки кабинета, изгнанія младотурецкихъ вождей и восстановленія шеріата. Что эти несчастные солдаты не отдавали себѣ ни малѣйшаго отчета въ своихъ требованійхъ и дѣйствійхъ, вытекаетъ уже и изъ того смѣхотворнаго факта (который мнѣ пришлось наблюдать лично), что *одновременно* съ требованіями о восстановленіи шеріата эти фанатики ислама выкрикивали подсказанныя имъ имена христіанскихъ депутатовъ—кандидатовъ въ министры!

Младотурецкіе вожди, застигнутые врасплохъ, бѣжали; парламентъ не проявилъ гражданскаго мужества и подъ выстрѣлы безчинствующихъ въ городѣ солдатъ составилъ обращеніе къ странѣ, въ которомъ заявлялъ, что принимаетъ требованія этихъ солдатъ—„дѣтей отечества“; а Султанъ амнистировалъ мятежниковъ и поручилъ старику Тевфику-пашѣ сформировать новый кабинетъ, которому предписалъ свято чтить шеріатъ.—Абдуль-Хамидъ блистательно отомстилъ младотуркамъ, сразивъ ихъ ударомъ, столь же неожиданнымъ и эффектнымъ, какъ ударъ, поразившій его самого 11 июля 1908 года.

За *девять мѣсяцевъ своего негласнаго господства* младотурки не успѣли достигъ положительныхъ результатовъ, которые могли бы оправдать оказанное имъ Европой довѣріе. Правда, просвѣщенное меньшинство палаты депутатовъ лихорадочно работало надъ созданіемъ новаго строя; палата вотировала цѣлый рядъ законовъ, касающихся самыхъ важныхъ сторонъ жизни государства и общества. Тѣмъ не менѣе въ Арменіи, Курдистанѣ, Албаніи, Сиріи, Іеменѣ и Хеджазѣ вражда между мусульманами и христіанами и даже мусульманъ между собою весьма часто переходила въ открытую междоусобицу; и даже въ Македоніи вновь появились банды.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что періодъ этотъ былъ въ полномъ смыслѣ *боевымъ* для младотурокъ и что они всецѣло были поглощены борьбою за власть съ противниками, лояльность которыхъ оставляла желать весьма многого. Несомнѣнно, младотурки въ первые дни свободы думали снасти *Турцію* превращеніемъ ея въ независимое отъ Европы

оттоманское государство, гдѣ бы всѣ граждане были равны передъ закономъ; но понятно, уснѣхъ этой программы не могъ прелъщать ни грековъ, ни славянъ, ни армянъ, ни арабовъ, давно мечтающихъ не объ обновленіи Турціи, а о присоединеніи своемъ къ одноплеменнымъ государствамъ или даже о самостоятельности; они стремились поэтому къ *децентрализаци*, въ которой младотурки не преминули увидѣть начало своего конца. Такимъ образомъ, очень скоро отношенія между младотурками и *инородцами* роковымъ образомъ приняли характеръ недовѣрія, а потомъ и враждебности.

Во-вторыхъ, младотуркамъ нужно было рѣшить другую огромную задачу: *освобожденіе турецкой правовой и соціальной жизни отъ путъ ислама*. Очень характерно, что высшее духовенство — *улемы*, весьма патріотичное, было въ этомъ дѣлѣ на ихъ сторонѣ и съ готовностью согласовало новый режимъ съ весьма эластичными сурами (стихами) корана. Незадолго до переворота, Шейхъ-уль-Исламъ заявилъ, что шеріатъ не подвергается никакой опасности; да и не могла ему грозить опасность отъ парламента, въ которомъ засѣдало до 80 улемъ. — Но всѣ робкія попытки младотурокъ хоть нѣсколько ослабить тлетворное вліяніе отсталого мусульманскаго духа на жизнь вызывали немедленно броженіе среди многочисленнаго *низшаго* духовенства и особенно софты, интересы коихъ сильно задѣвались новымъ режимомъ; такъ, законопроектъ, по которому софты подлежали воинской повинности, если въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ не сдадутъ богословскихъ экзаменовъ, вызвалъ среди нихъ огромное волненіе, сильно повліявшее на ихъ участіе въ переворотѣ; тѣ же софты и нафанатизированная ими чернь помѣшали нѣкоторой *эмансипаци* *турецкихъ женщинъ*, начатой младотурками. Я самъ видѣлъ, какъ софты и чернь набрасывались на улицахъ на младотурокъ, осмѣливавшихся показываться вмѣстѣ съ женами, дочерьми или сестрами, и избивали ихъ.

Наконецъ, *въ-третьихъ*, не слѣдуетъ упускать изъ виду *необыкновенную отсталость и невежество турецкаго общества*. Вожди младотурокъ и офицеры въ это время искренно желали реформъ; но большинство примкнувшихъ къ нимъ послѣ революціи искало только личныхъ выгодъ и готово было покинуть младотурокъ при первой неудачѣ: позорное поведеніе парламента послѣ переворота служило яркимъ тому примѣромъ.

Такимъ образомъ, уже въ первомъ боевомъ періодѣ младотурки оказались въ самомъ *трагическомъ* положеніи. Султанъ Абдуль-Хамидъ воспользовался имъ съ замѣчательной ловкостью. Но какъ только младотурки бѣжали изъ Новой Мекки—Стамбула—и коснулись земли своей родной Медины—Салоникъ, къ нимъ вернулась прежняя сила. Абдуль-Хамидъ не учелъ патріотизма молодыхъ провинціальныхъ офицеровъ и

степени ихъ ненависти къ нему. И не только македонскія и адрианопольскія войска оказались на сторонѣ бѣглецовъ. Многіе болгарскіе, сербскіе, греческіе четники, довѣрившись новымъ общаніямъ младотурокъ, опять рѣшили связать свою судьбу съ ними и пошли вмѣстѣ проливать кровь *за хурриетъ*—за свободу. Только 13 дней продолжалось торжество Абдула-Хамида. Азіатскія провинціи не сумѣли разобратся въ происшедшемъ и не пришли ему на помощь. Единственное, въ чемъ успѣли его эмиссары, это въ поднятіи мусульманъ противъ армянъ въ Аданскомъ вилайетѣ. 13 апрѣля 1909 года, послѣ упорнаго уличнаго боя, войска *Махмуда-Шефкета-паши* взяли Константинополь, и царство Краснаго Султана потонуло, наконецъ, въ потокахъ крови совращенныхъ имъ турецкихъ солдатъ и зарѣзанныхъ въ Аданѣ 30,000 армянъ. 14/27 апрѣля оправившійся отъ испуга и перекочевавшій въ Санъ-Стефано парламентъ, согласно фетвѣ Шейхъ-уль-ислама, низложилъ Абдула-Хамида и провозгласилъ султаномъ его брата *Мехмеда-Решада*.

Второй періодъ.

(13 апрѣля 1909 г.—9 іюля 1912 года.)

Во время *второго* періода своей эры, начавшагося съ воцаренія султана Мухаммеда-Решада и кончившагося паденіемъ кабинета Саид-паши, младотурки вышли изъ положенія закулисныхъ контролеровъ власти и взяли на себя управленіе странюю. Правда, во главѣ трехъ министерствъ этого періода стояли старые чиновники Абдула-Хамида, *Хильми*, *Хаккы* и *Саидъ-паша*. Но это объяснялось лишь неудобствомъ назначать слишкомъ молодыхъ великихъ везирей въ противность турецкимъ традиціямъ, а также желаніемъ воспользоваться опытомъ этихъ государственныхъ людей; руководящую же роль въ кабинетахъ играли входившіе въ нихъ важнѣйшіе члены партіи „Единенія и прогресса“— *Талаатъ*, *Джавидъ*, *Хаджи Адиль*, *Хамиль*, *Измаиль Хаккы-Бабанзадэ*. И какъ только одинъ изъ великихъ везирей—*Хильми-паша*—пересталъ быть угоднымъ партіи, онъ былъ устраненъ отъ везирата, и притомъ черезъ нѣсколько дней спустя послѣ *побѣды*, одержанной имъ въ парламентъ по дѣлу *Линча*.

Въ первые мѣсяцы царствованія новаго султана рядомъ съ правительствомъ существовала, правда, другая власть—*главнокомандующаго Махмуда-Шефкета-паши*, спасителя новаго режима. Одно время казалось даже, что страна идетъ къ военной диктатурѣ. Но Махмудъ-Шефкетъ не сумѣлъ или не захотѣлъ использовать своего престижа, и самъ въ началѣ 1910 года вошелъ въ качествѣ военнаго министра въ кабинетъ Хаккы-паши, чѣмъ положилъ конецъ своему исключительному положенію. Поэтому въ разсматриваемомъ періодѣ младотурки, несо-

мнѣнно, были у власти, и исторія въ правѣ требовать отъ нихъ отчета въ пользованіи ею на благо родинѣ.

Въ области государственнаго строительства младотурки должны были, конечно, прежде всего опредѣлить свои отношенія къ султану и парламенту. Пересмотръ старой конституціи былъ возложенъ на особую комиссію еще до переворота 31 марта, завершенъ палатами въ концѣ первой сессіи и утвержденъ султаномъ 8 августа 1909 года.

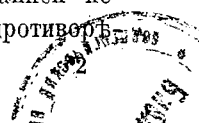
Важнѣйшія различія между обѣими конституціями сводятся къ слѣдующему.

По старой конституціи султанъ назначалъ и увольнялъ всѣхъ министровъ; по новой онъ сохранилъ право увольненія „въ случаѣ нужды“ и „согласно правиламъ“; назначаетъ же онъ теперь непосредственно только великаго везира и Шейхъ-уль-Ислама; прочіе же министры избираются великимъ везиремъ и только утверждаются султаномъ (ст. 7 и ст. 27). Въ силу другого измѣненія конституціи, отнынѣ обѣ палаты собираются на обыкновенныя сессіи безъ созыва (ст. 43), а инициатива созыва парламента на чрезвычайную сессію и право продленія сессіи отнынѣ предоставлены не только султану, но и абсолютному большинству членовъ палаты; право же сокращенія срока сессіи совершенно уничтожено (ст. 44). Султанъ утратилъ также право выбирать предсѣдателя палаты изъ трехъ намѣченныхъ сею послѣднею кандидатовъ; обѣ избраніи предсѣдателя и его товарищей по новой конституціи султану только докладывается (ст. 77). Законодательная инициатива принадлежитъ по новой конституціи каждому министру, сенатору и депутату, тогда какъ по старой она была сосредоточена въ рукахъ правительства, которому палата представляла только ходатайства обѣ изданіи или измѣненіи законовъ (ст. 53).

Какъ по старой, такъ и по новой конституціи законопроекты, принятые обѣими палатами, получаютъ силу закона лишь по утвержденіи ихъ султаномъ. Но конституція 1909 года вводитъ двухмѣсячный срокъ, въ теченіе котораго законопроекты должны быть либо утверждены, либо возвращены въ палату для вторичнаго разсмотрѣнія. Законопроектъ, возвращенный въ палату, считается принятымъ вторично лишь въ томъ случаѣ, если за него выскажется большинство двухъ третей членовъ. Законъ не говоритъ, однако, что произойдетъ, въ случаѣ если султанъ откажетъ вторично въ своей санкціи (ст. 54).

Конституція 1876 года признавала за совѣтомъ министровъ право издавать, во время закрытія сессіи парламента, постановленія, получающія, на основаніи султанскаго указа, временную силу закона, вѣреть до изданія палатой депутатовъ своихъ постановленій по сему предмету; это право совѣта министровъ обставлено было условіями крайней необходимости, недостаткомъ времени для созыва палаты и непротивобѣ-

240070

ція конституціи. *Новая конституція добавляетъ*, что „постановленія совѣта министровъ представляются палатѣ, какъ только она соберется“ (ст. 36).

Министерская отвѣтственность конституціею 1876 года формулирована въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и притомъ безъ упоминанія о какой бы то ни было санкціи. *Конституція 1909 года* постановляетъ: министры несутъ солидарную отвѣтственность передъ палатою за общую политику правительства; по вопросамъ же, касающимся ихъ вѣдомствъ, отвѣтственны каждый въ отдѣльности (ст. 30). Выраженіе недовѣрія министру обязываетъ его одного къ подачѣ въ отставку; выраженіе же недовѣрія предсѣдателю совѣта министровъ влечетъ за собою деніе всего кабинета (ст. 38). Такимъ образомъ, послѣдствія выраженного палатою недовѣрія, которыя на Западѣ составляютъ часть *обычнаго парламентскаго права*, въ Турціи опредѣлены въ *самомъ текстѣ конституціи*.

Наконецъ, принадлежащее султану, по конституціи 1876 года, *право роспуска палаты* въ случаѣ конфликта съ министерствомъ, — право, которое онъ могъ осуществлять неопредѣленное число разъ, — сильно сужено новой конституціею. Отнынѣ султанъ можетъ распускать палату лишь въ одномъ строго опредѣленномъ случаѣ: а именно, если министерство, вступивъ въ конфликтъ съ палатою, не пожелаетъ подчиниться рѣшенію послѣдней и подастъ въ отставку, а *новое* министерство станетъ на точку зрѣнія стараго. Только въ этой стадіи конфликта султанъ можетъ, и то лишь съ согласія сената, распустить палату, назначивъ трехмѣсячный срокъ для производства новыхъ выборовъ. Въ случаѣ же конфликта между министерствомъ и новой палатою, подчиненіе рѣшенію этой послѣдней становится обязательнымъ (ст. 35). *Эту 35 статью младотурки считали краеугольнымъ камнемъ зданія турецкаго парламентаризма*.

Установивъ радикальную конституцію, столь сильно умаляющую права султана-халифа, младотурки, наученные горькимъ опытомъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣжать новыхъ обвиненій въ нарушеніи священнаго шеріата. Въ текстъ конституціи была введена статья (7), возлагающая на султана охрану шеріата, и другая (118), постановляющая, что при изданіи законовъ будутъ положены въ основаніе начала этого шеріата. Но главную помощь въ дѣлѣ согласованія либерализма съ исламомъ оказало младотуркамъ сочувствующее имъ высшее духовенство. Шейхъ-уль-исламъ *Сахибъ Молла* обратился къ населенію съ воззваніемъ, объявляя, что конституціонная форма правленія *одна* согласна съ шеріатомъ.

Союзъ съ улемами, съ большимъ умѣніемъ толкующими коранъ и священныя книги въ пользу народнаго суверенитета, очень скоро пригодился младотуркамъ въ самомъ парламентѣ, а именно въ сенатѣ. Уже

въ февралѣ 1910 года сенаторъ *Дамадъ-Феридъ-паша*, повидимому, не безъ уговора съ наслѣдникомъ престола *Юсуфъ-Иззеддиномъ*, внесъ въ сенатъ проектъ измѣненія тѣхъ статей новой конституціи, которыя умаляли права султана. Указывая, что султанъ не только свѣтскій государь, но и халифъ трехсотъ милліоновъ мусульманъ, которому свойственно повелѣвать, а не повиноваться, *Дамадъ-Феридъ-паша* находилъ ограниченіе его власти несогласнымъ съ шеріатомъ; къ тому же, по мнѣнію паши, теоріи народнаго суверенитета непримѣнима къ оттоманскому государству, состоящему изъ нѣсколькихъ націй, такъ какъ можетъ привести къ децентрализаціи и распаденію имперіи. Проектъ *Дамада-Ферида-паши* подвергся жестокой критикѣ со стороны сенатора *Мусы-Кязима*, бывшаго *Шейхъ-уль-ислама*. *Муса-Кязимъ* категорически заявилъ, что народный суверенитетъ вытекаетъ какъ изъ корана, такъ и изъ образа дѣйствій пророка Мухаммеда, всегда подчинявшагося *закону*, и что невозможно поэтому допустить, чтобы *преемникъ* пророка могъ притязать на подчиненіе себѣ внѣ всякихъ условій. Въ результатѣ сенатъ не допустилъ даже обсужденія по существу проекта *Дамада-Ферида-паши*.

Поставивъ, такимъ образомъ, новый режимъ подъ защиту ислама, *младотурки* постепенно *отходили* отъ своей первоначальной позиціи *свѣтскаго государства* и векорѣ сдѣлались панисламистами въ духѣ султана Абдула-Хамида. Зная довольно близко младотурецкихъ вождей, я беру на себя смѣлость утверждать, что панисламизмъ для нихъ былъ такимъ же этикетомъ, какимъ раньше было франмасонство—послѣ переворота 31 марта они признали лишь въ исламѣ силу, которую необходимо было имѣть съ собою, а не противъ себя. А потому эмиссары Талаата стали появляться тамъ, гдѣ раньше сѣяли смуту посланцы султана Хамида. И отсталыя постановленія священнаго шеріата, изданныя для бедуиновъ временъ пророка Мухаммеда, попрежнему продолжали стѣснять гражданскую жизнь турецкаго народа.

Такой поворотъ младотурокъ въ сторону шеріата *сопровождался* *возвращеніемъ ихъ къ хамидовской политикѣ по отношенію къ христіанамъ и вообще къ инородцамъ*. Македонскіе четники напрасно пролили свою кровь на улицахъ Стамбула. Страхъ передъ децентрализаціей и вождельніями балканскихъ державъ не только не позволилъ младотуркамъ ввести реформы въ управление *Македоніей*, но заставилъ ихъ даже прекратить общественную жизнь, развившуюся тамъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ новой эры. Такъ, постепенно были закрыты всѣ организаци и клубы различныхъ македонскихъ національностей, на примѣръ, болгарскіе клубы учителей. Отказавшись отъ реформъ, младотурки вернулись къ старымъ приемамъ хамидовской политики, къ обезоруженію населенія и къ борьбѣ съ четничествомъ, съ каковою цѣлью былъ изданъ

необыкновенно суровый законъ „о прекращеніи разбоя въ Румелійскихъ вилайетахъ“ (1909 г.). Несчастное македонское населеніе очутилось вскорѣ въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось при Абдуль-Хамидѣ; подъ цокровомъ борьбы съ бандами возобновились убійства, грабежи и всякаго рода насилія мусульманъ надъ мирными христианами, о чемъ, между прочимъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ идентичные такриры, поданные вселенскимъ патріархатомъ и болгарскимъ экзархатомъ министру юстиціи 4 іюня 1911 г.

И въ *Албаніи* положеніе обострилось вслѣдствіе введенія общей податной системы и всеобщей воинской повинности, съ которыми свободолюбивое населеніе никакъ не могло примириться. Младотурки не задумались окончательно возбудить противъ себя народъ, являвшійся ихъ естественнымъ союзникомъ въ борьбѣ со славянами. Въ 1910 году карательная экспедиція *Джавида-паши* разорила большую часть сѣверной Албаніи, разрушивъ огромное число албанскихъ кулэ (замковъ); въ 1911 году *Шефкетъ-Торгутъ-паша* долженъ былъ усмирять мирдитовъ и малиссоровъ; а въ 1912 году, къ началу балканской войны, вся Албанія была охвачена національнымъ движеніемъ противъ младотурецкаго режима.

Что касается *армянъ*, то тяжелыя страданія и этого несчастнаго народа не были прекращены младотурками, тѣми самыми младотурками, съ которыми армянскіе дашнакдаканы когда-то работали рука объ руку надъ сверженіемъ ига Абдула-Хамида. Правда, послѣ аданской рѣзни не происходило массоваго избіенія; но жизнь, честь и имущество каждаго армянина въ армянскихъ вилайетахъ попрежнему зависѣли отъ произвола курдскихъ беевъ; отнятыя послѣ рѣзни 1896 года у армянъ земли имъ *не были* возвращены, и все жалобы армянскаго патріархата оставались безъ послѣдствій.

Не сумѣли младотурецкіе заправилы поладить и съ самымъ многочисленнымъ мусульманскимъ элементомъ въ имперіи—съ *арабами*. Арабскія племена въ Сиріи и Мессопотаміи находились въ состояніи постоянного возмущенія. Въ Іеменѣ и Ассирѣ младотурки продолжали неустойчивую политику Абдуль-Хамида, то ведя войну съ шейхами Яхья и Идрисомъ, то вступая съ ними въ переговоры объ автономіи. Въ то же время они старались безуспѣшно препятствовать растущему среди арабовъ другихъ областей націоналистическому движенію въ пользу самоуправленія.

Такое отношеніе къ національнымъ стремленіямъ инородцев обязывало, конечно, младотурокъ къ оправданію своего *оттоманизма*, т.-е. къ *проведенію реформъ*, которыя пошли бы на пользу *всѣмъ* оттоманскимъ подданнымъ. Что же сдѣлало въ этомъ направленіи младотурецкое правительство за періодъ 1909—1912 гг.?

Оно выработало въ достаточной мѣрѣ либеральныя законы о печати, свободѣ собраній и союзовъ; къ сожалѣнію, эти законы обыкновенно бездѣйствовали, такъ какъ столица и многіе города Имперіи все это время, съ небольшими лишь перерывами, находились на военномъ положеніи. Было произведено нѣкоторое оздоровленіе гражданской администраціи и военнаго вѣдомства. Были изданы разумныя законы „объ оставленіи чиновниковъ за штатомъ,“ на основаніи которыхъ особыя комиссіи ревизовали всѣ министерства и озаботились сохраненіемъ на штатныхъ должностяхъ наиболѣе способныхъ и добропорядочныхъ чиновниковъ. Законъ о пересмотрѣ военныхъ чиновъ уничтожилъ всѣ слѣды вопіющихъ несправедливостей, ежедневно совершавшихся въ арміи и флотѣ при старомъ режимѣ, когда зачастую офицеры, негодные дворцу, годами не производились въ слѣдующіе чины, а совершенно молодые люди, зарекомендовавшіе себя доносами, производились сразу въ полковники или генералы. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что очень скоро протекція стала играть огромную роль и въ младотурецкомъ обиходѣ.

Въ началѣ своего существованія, младотурецкое правительство относилось сочувственно къ привлеченію на оттоманскую службу иностранныхъ специалистовъ. Но это намѣреніе осуществлялось очень нерѣшительно и неравномѣрно въ различныхъ вѣдомствахъ. Въ министерствахъ, такъ сказать, *техническаго* характера иностраннымъ специалистамъ, дѣйствительно, была дана возможность принести нѣкоторую пользу. Такъ, энергичный *министръ финансовъ Джавидъ-бей*, съ помощью комиссіи изъ иностранцевъ, привелъ финансовое управленіе въ болѣе или менѣе удовлетворительное состояніе; *Sir Crawford* сдѣлалъ то же для таможеннаго вѣдомства. Нѣкоторую пользу принесли и иностранныя жандармскіе офицеры подъ руководствомъ графа *Робиланта*. Приглашались инженеры и техники для производства общественныхъ работъ. Но этимъ почти все и ограничилось. Приглашенный было въ министерство юстиціи советникъ графъ *Остророгъ* долженъ былъ черезъ полтора года отказаться отъ своей дѣятельности, встрѣчая злостное противодѣйствіе со стороны своего же министра Муллы Неджмэддина-бея. Министерство народнаго просвѣщенія продолжало высоко держать знамя Абдула-Хамида: ни малѣйшихъ реформъ въ европейскомъ духѣ въ немъ не было произведено, а отправка турецкихъ студентовъ въ европейскіе университеты дала жалкіе результаты и вскорѣ была прекращена по требованію духовенства. Въ двѣ области сторонники шеріата не считали возможнымъ допустить проникновеніе европейскаго духа—въ область просвѣщенія и въ область правосудія. Младотурки и здѣсь преклонились передъ шеріатомъ,—и въ этомъ двѣ главныхъ причины ихъ паденія.

Изъ общихъ реформъ я долженъ еще упомянуть о распространеніи всеобщей воинской повинности на не-мусульманъ, для которыхъ она до

сихъ поръ замѣнялась налогомъ. Реформа, конечно, вполнѣ „оттоманская“. Но она не пришлась по вкусу ни туркамъ, ни христіанамъ. *Первые* слишкомъ привыкли смотрѣть на свое войско, какъ на носителя чисто-мусульманскаго духа, и опасались, не безъ основанія, ослабленія его боевой силы; *вторые* безъ энтузіазма шли подъ знамена турокъ, въ которыхъ продолжали видѣть своихъ угнетателей. Создалось крайне ложное положеніе.

Необдуманность, отрывочность и непоследовательность младотурецкихъ реформъ становятся понятными, если вспомнить, что за весь этотъ періодъ младотуркамъ приходилось продолжать *бороться за власть*, выдерживая самый бѣшеный натискъ со стороны своихъ враговъ — внутреннихъ и внѣшнихъ.

Кровавыя репрессіи противъ лицъ, прикосновенныхъ къ перевороту 31 марта 1909 года, ненадолго обезпечили партіи „Единенія и прогресса“ безраздѣльное господство надъ страной. Въ Парижѣ эмигранты сгруппировались около *Шерифа-пашы*; въ парламентѣ мѣсто ахраровъ заняли партіи „*свободы и согласія*“ и „*народная*“; помимо того, опытъ 31 марта показалъ, что въ партіи не было внутренняго единства, и что правое крыло ея было связано съ радикальными главарями далеко не идейными соображеніями.

Новая политика младотурецкихъ вождей, объявившихъ себя вѣрными слугами ислама и его традицій, конечно, не обезоружила ихъ многочисленныхъ враговъ. Не безъ основанія они плохо вѣрили въ искренность этого обращенія. Но въ сущности говоря, вопросъ этотъ ихъ мало занималъ. Захватъ власти небольшою кучкой никому неизвѣстныхъ ранѣе людей, къ тому же ничѣмъ, кромѣ своей отваги, особенно не выдающихся, разбудилъ въ большемъ числѣ турецкихъ полунинтеллигентовъ и офицеровъ огромные аппетиты; тѣ, которымъ удалось пристроиться подъ сѣнью „Единенія и прогресса“, были, конечно, на его сторонѣ, — тѣмъ болѣе, что партія очень скоро вполнѣ усвоила и въ этомъ отношеніи приемы Абдула-Хамида и вновь ввела въ управленіе систему самаго циничнаго nepотизма; но такъ какъ, разумѣется, можно было удовлетворить только часть алчущихъ благъ земныхъ, то постепенно образовался большой классъ недовольныхъ новымъ режимомъ.

Для прикрытія своихъ вождельнѣй враждебныя „Единенію и прогрессу“ партіи („свободы и согласія“, „народной“ и др.) должны были, конечно, выставлять какія-нибудь *политическія программы*. Программы эти были столь же неискренни, какъ и младотурецкая. Какъ младотурки официально преклонились передъ исламомъ и тюркизмомъ, такъ враги ихъ въ принципѣ признавали необходимость конституціи и уваженіе правъ другихъ національностей. Разница между программами тѣхъ и другихъ сводилась обыкновенно къ отгѣнкамъ и деталямъ. Центрѣ

же тяжести антиправительственныхъ платформъ лежалъ всегда въ выигрышныхъ обвиненіяхъ членовъ партіи „Единенія и прогресса“ въ франмасонствѣ и деспотизмѣ.

Уже въ іюнѣ 1910 года былъ раскрытъ заговоръ противъ младотурецкаго правительства. А въ началѣ 1911 года, подѣ напоромъ все растушаго въ странѣ недовольства, *Талаатъ-бей*, несомнѣнно самый яркій представитель молодой Турціи, долженъ былъ уступить портфель министра внутреннихъ дѣлъ *Халилю-бею*, впрочемъ, ближайшему своему единомышленнику. Но настоящій кризисъ для партіи наступилъ въ апрѣль того же 1911 года, когда большое число членовъ парламентской фракціи, во главѣ съ ходжою *Меджди*, откололись въ особую группу (*Хысби Джедидъ*) и выставили новую программу въ 10 пунктовъ.

Политическіе идеалы диссидентовъ выражены въ этой программѣ въ весьма туманной формѣ. Провозглашается необходимость какъ соблюденія національныхъ и религіозныхъ обычаевъ и преданій, такъ и распространенія западно-европейской цивилизаци; нужно слѣдовать историческимъ традиціямъ, но въ предѣлахъ конституціи; диссиденты стоятъ попрежнему за единеніе между оттоманскими національностями; надлежитъ измѣнить нѣкоторыя статьи конституціи, касающіяся священныхъ правъ халифата и султаната въ смыслѣ согласованія власти монарха съ законодательной и исполнительной властями; должно строго соблюдать законы и начало министерской отвѣтственности. Кромѣ этихъ общихъ и неопредѣленныхъ положеній, программа диссидентовъ содержитъ, однако, и нѣсколько пунктовъ, явно направленныхъ противъ олигарховъ „Единенія и Прогресса“. Такъ, депутатамъ разрѣшается принимать постъ министра лишь на основаніи постановленія партіи, вынесеннаго большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Горячее сочувствіе этой программѣ, высказанное всеми органами печати, враждебными правительству, не оставляло никакихъ сомнѣній относительно настоящихъ чувствъ, вдохновляющихъ диссидентовъ. Желая во что бы то ни стало предотвратить опасный расколъ, младотурецкіе вожди сдѣлали очень ловкій ходъ; они приняли всю программу диссидентовъ, названную ихъ лидеромъ консервативною, выговоривъ только представленіе 10 пунктовъ конгрессу партіи въ октябрѣ мѣсяцѣ. Новоявленнымъ „консерваторамъ“ пришлось повѣрить въ искренность обращенія „либеральныхъ“ товарищей и остаться въ партіи. А осенью конгрессъ скрѣпилъ наружный миръ, отнюдь, конечно, не прекративъ интригъ внутри партіи.

Движеніе диссидентовъ вдохновлялось, главнымъ образомъ, *полковникомъ Садькомъ*, однимъ изъ главныхъ дѣятелей младотурецкой революціи, имѣющимъ полное основаніе считать себя обиженнымъ Комитетомъ. Вскорѣ послѣ виѣшняго перемирія между крылами партіи Са-

дыкъ-бей (6 мая 1911 года) обнародовалъ свою политическую программу, столь же неясную и туманную, какъ и 10 пунктовъ диссидентовъ.

Садыкъ признаетъ, что банкротство конституціи было бы могилой для оттоманизма и что благородная идея единенія и прогресса, а также и олицетворяющій ее Комитетъ являются основами оттоманскаго строя. Но Комитетъ долженъ развиваться въ естественныхъ условіяхъ, дабы стать самой сильной національной организаціей всѣхъ оттомановъ, безъ различія расъ и исповѣданій. Между тѣмъ, центральный Комитетъ и его клубы, имѣя въ своемъ составѣ официальныхъ лицъ, принимаютъ характеръ второго правительства, что очень вредно отражается на странѣ.

Садыкъ ополчается также противъ франмасонства, или, вѣрнѣе, противъ его проникновенія въ политику. Онъ уважаетъ всѣ факторы, служащіе человѣчеству, но при условіи, что они не касаются политики: политическія страсти могутъ исказить самые возвышенные идеалы.

Армія должна защищать конституцію, а не политическія воззрѣнія ограниченнаго круга лицъ; офицеры не должны ни заниматься политикою, ни быть членами комитетовъ. Вообще не слѣдуетъ допускать притязаній отдѣльныхъ индивидовъ на олицетвореніе всей революціонной силы страны, такъ какъ новая Турція создана не нѣсколькими геніями, какъ Италия, а совокупными усиліями скромныхъ и незамѣтныхъ людей; единеніе различныхъ элементовъ оттоманизма не можетъ создаться во-кругъ отдѣльныхъ личностей. Не слѣдуетъ, однако, вополнѣ подчиняться и „логикѣ толпы“, возведя ее на мѣсто народнаго суверенитета: подчиненіе фанатизму толпы привело бы страну къ гибели.

Въ заключеніе Садыкъ-бей съ негодованіемъ протестуетъ противъ приписанія ему реакціонныхъ воззрѣній и ссылается на свое революціонное прошлое.

Полковникъ Садыкъ, вскорѣ уволенный въ отставку, началъ дѣятельную агитацію въ провинціи противъ „франмасоновъ“ и олигарховъ „Единенія и прогресса“. Партія сочла необходимымъ пожертвовать на время Джавидомъ и Бабанзадъ, предложивъ имъ отказаться отъ своихъ портфелей, и даже отстранила Талаата отъ предсѣдательства во фракціи. Помимо того въ іюнѣ 1911 года правительство организовало путешествіе Султана въ ультра-мусульманскомъ стилѣ на Коссово поле, гдѣ совершено было богослуженіе надъ могилой Мурада. Предполагалось воздѣйствовать на албанцевъ и вообще повысить религіозное настроеніе въ странѣ. Тѣмъ не менѣе, озлобленіе между сторонниками и противниками партіи все увеличивалось. Жертвою его палъ журналистъ *Зекки*, сторонникъ Садыка, убитый 27-го мая 1911 года въ Константинополѣ неизвѣстными—безъ сомнѣнія единомышленниками „Единенія и прогресса“; на послѣднихъ падаетъ сильное подозрѣніе и въ устраненіи еще въ 1910 году оппозиціоннаго журналиста *Самими*, а можетъ

быть, и въ убійствѣ въ 1909 году журналиста *Хассана Фехми*. Убійство Зекки было, несомнѣнно, однимъ изъ признаковъ надвигающихся *терроровъ—краснаго и бѣлаго*.

Итало-турецкая война смела кабинетъ Хакки-паши, но не положила конца младотурецкому режиму; старикъ Саидъ-паша согласился стать во главѣ кабинета, составленнаго изъ членовъ „Единенія и прогресса“. Война эта не оказала никакого умиротворяющаго вліянія на партіи, и борьба ихъ продолжалась попрежнему.

Къ концу 1911 года *младотурецкое правительство окончательно разочаровалось въ парламентъ*, въ которомъ серьезная законодательная дѣятельность, наблюдавшаяся въ теченіе первой сессіи, давно уже уступила мѣсто политиканству и личнымъ интригамъ, причѣмъ все болѣе росли силы оппозиціи. Въ то же время младотуркамъ пришлось раскаяться въ легкомысленномъ измѣненіи 35-ой статьи конституціи, до крайности сузившей султанское право роспуска, обусловливъ его согласіемъ сената и ограничивъ тѣмъ случаемъ, когда палата, послѣ конфликта съ министерствомъ и выхода въ отставку сего послѣдняго, вступаетъ въ конфликтъ и съ новымъ кабинетомъ. Найдя въ настоящее время такой порядокъ для себя стѣснительнымъ, младотурки и здѣсь не задумались отказаться отъ своихъ прежнихъ идеаловъ и провозгласить необходимость усиленія священныхъ правъ султана. Какъ нельзя болѣе кстати пришлось имъ теперь то обстоятельство, что это усиленіе султанскихъ прерогативъ составляло одинъ изъ пунктовъ диссидентской программы, принятой ими въ силу необходимости. И дѣйствительно, правительственный законопроектъ, предоставляющій султану право роспуска палаты послѣ конфликта ея съ *однимъ* министерствомъ, а не съ двумя, и ставящій обращеніе къ сенату въ зависимость отъ усмотрѣнія монарха, былъ внесенъ въ палату при ироническомъ указаніи Саида-паши на соотвѣтствіе его теоріямъ *оппозиціи*.

„*Парламентская коммиссія основныхъ законовъ*“, въ которую былъ переданъ правительственный законопроектъ, представила палатѣ весьма любопытный докладъ, нѣкоторыя мѣста котораго бросаютъ яркій свѣтъ на разсматриваемую эпоху. Измѣненіе 35-ой статьи конституціи, говорится въ докладѣ, привело къ полному нарушенію равновѣсія силъ въ государствѣ и къ ослабленію не только султаната, но и націи. Въ странѣ воцарилось *неописуемое состояніе болъзненной растерянности*. Султанъ—безпристрастный арбитръ, стоящій надъ политическими теченіями—почти лишенъ возможности, въ случаѣ несогласія съ палатой, обратиться къ народу, чѣмъ, конечно, народный суверенитетъ не расширенъ, а суженъ. Съ другой стороны, нарушено равновѣсіе между исполнительной и законодательной властями тѣмъ, что правительство уступаетъ палатѣ при *первомъ* же столкновеніи, а палата лишь послѣ конфликта

«со вторымъ» правительствомъ, поддерживающимъ первое. Благодаря этому палата сдѣлалась единственнымъ двигателемъ и регуляторомъ всѣхъ силъ государства, оказывая чрезмѣрное вліяніе на жизнь и судьбы министерствъ. А въ то же время эта безотвѣтственная палата не сумѣла одушевить на плодотворную работу лишенное вліянія правительство.

Комиссія горячо возстаетъ противъ участія *сената* въ правѣ роспуска, которое, съ одной стороны, приобщаетъ безотвѣтственное учрежденіе къ акту исполнительной власти, сопряженному въ величайшей отвѣтственностью, а съ другой—какъ бы уменьшаетъ эту отвѣтственность правительства. Этимъ путемъ нарушается равенство между палатами, ибо сенатъ не можетъ быть распущенъ съ согласія палаты. Создается *странная іерархія*: сенатъ господствуетъ надъ палатою, а палата надъ министерствомъ, чѣмъ нарушается равновѣсіе всѣхъ этихъ силъ. Сохраненіе нынѣшней редакціи 35-ой статьи грозитъ странѣ *анархіей*, а потому комиссія высказывается за принятіе предложеній правительства, ведущихъ къ истинному національному суверенитету, долженствующему находиться въ гармоніи съ султанатомъ.¹⁾

Легко себѣ представить, какое смятеніе внесъ въ ряды оппозиціи ударъ, нанесенный ей же оружіемъ. Она прибѣгла было къ обструкціи, но кабинетъ подалъ немедленно въ отставку. Предвидя, что Саиду-пашѣ будетъ поручено вновь образовать кабинетъ, и что, при наличности новаго конфликта, онъ получитъ возможность распустить палату согласно *дѣйствующей* 35-ой статьѣ, оппозиція рѣшилась прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ—къ *вовлеченію въ конфликтъ монарха*.

Депутація партіи „Свободы и согласія“, подъ предводительствомъ *Измаила-бея*, отправилась 18/31 декабря 1911 года къ Султану и заявила ему, что оппозиція отнюдь не противъ расширенія правъ монарха, которое она первая включила въ свою программу, но что она не желаетъ содѣйствовать планамъ Саида-паши, оказывающаго давленіе на палату, а поэтому проситъ Султана не поручать ему образованія новаго министерства. Мехмедъ-Решадъ отвѣтилъ, однако, очень твердо, что назначеніе великаго везира составляетъ исключительное право султана, а вечеромъ издалъ черезъ предсѣдателя палаты особое сообщеніе, очевидно внушенное партіей „Единенія и прогресса“; въ этомъ сообщеніи Султанъ, исходя изъ словъ самой же депутаціи, констатируетъ отсутствіе разногласія между партіями по принципиальному вопросу и выражаетъ пожеланіе, чтобы партія „Согласія“ не противилась пересмотру. Вслѣдъ затѣмъ Саиду-пашѣ было поручено вновь образовать министерство.

Такимъ образомъ, оппозиція не только понесла рѣшительное пора-

¹⁾ (Докладъ комиссіи отъ 11/24 декабря 1911 года, см. № 23 первой легислатуры, сессія 1327—1328; предсѣдатель комиссіи—*Халиль-бей*; докладчикъ—*Измаиль-Хакки-Бабанзадэ*.)

женіе, но своими неумѣлыми и антиконституціонными дѣйствіями дала партіи „Единенія и прогресса“ случай внушить странѣ, что Султанъ на ея сторонѣ. Очутившись передъ дилеммой, или принять измѣненіе 35-ой статьи конституціи, или быть устраненной путемъ немедленнаго роспуска, оппозиція выбрала послѣднее и отвергла правительственный законопроектъ, чѣмъ создала наличность конфликта со *вторымъ* министерствомъ, хотя и образованнымъ тѣмъ же Саидомъ-пашой. Послѣ этого Султанъ, 5/18 января 1912 года, распустилъ первую палату молодой Турціи.

Избавившись отъ оппозиціонной палаты, младотурецкое правительство рѣшило принять всѣ мѣры къ превращенію будущаго парламента въ послушное свое орудіе. Выборы были произведены подъ самымъ сильнымъ давленіемъ администраціи, и новая палата, собравшаяся 5/18-го апрѣля, состояла, конечно, въ огромномъ большинствѣ изъ сторонниковъ правительства. Измѣненіе 35-ой статьи было принято и препровождено въ сенатъ.

Но такое порабощеніе парламента и изгнаніе оппозиціи въ подполье, какъ и слѣдовало ожидать, усилило революціонное броженіе въ странѣ и особенно въ арміи. И опять, какъ въ 1908 году, нѣсколько недовольныхъ режимомъ офицеровъ Монастырскаго корпуса ушли въ іюнь 1912 года со своими ротами въ горы и предъявили оттуда правительству требованія дѣйствительнаго соблюденія конституціи. Видя, что въ странѣ можетъ вспыхнуть междоусобная война, исходъ которой могъ быть для нихъ роковымъ, младотурки рѣшили, наконецъ, принять энергичныя мѣры противъ политиканства въ арміи. *Махмудъ-Шефкетъ-паша*, до сихъ поръ ограничивавшій свое воздѣйствіе на политиканствующихъ офицеровъ никѣмъ не соблюдавшимися циркулярами, провѣлъ черезъ парламентъ законъ, воспреещающій офицерамъ и солдатамъ всякую политическую дѣятельность подъ страхомъ весьма строгихъ уголовныхъ каръ. Но эта запоздалая мѣра не могла, конечно, остановить движенія среди оппозиціоннаго офицерства. Не остановила его и отставка Махмуда-Шефкета-паши. Образовалась *военная лига „спасителей отечества“* („Халаскарияни миллетъ“).

Манифестъ „спасителей отечества“, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что его составители отдавали себѣ полный отчетъ въ ужасномъ положеніи Имперіи. Оттоманское отечество, гласитъ манифестъ, идетъ съ головокружительной быстротой къ безднѣ, къ которой оно уже приблизилось за царствованіе Абдула-Хамида. Конституція была „послѣднимъ зарядомъ“ страны. Зарядъ этотъ не достигъ цѣли, и Европа не замедлила сдѣлать изъ этого обстоятельства выводъ, что оттоманы неспособны къ самостоятельной жизни и подъ конституціоннымъ режимомъ. Подъ вліяніемъ введенія конституціи Европа временно отказалась

отъ своего намѣренія раздѣлить Турцію и заняла выжидательное положеніе. Но когда мы стали дѣйствовать, какъ во времена Хамида, а иногда даже заставляли жалѣть объ этомъ режимѣ, Европа перемѣнила вновь свое отношеніе къ Турціи, что сказалось, между прочимъ, во время триполитанской войны. Въ виду этого, лига считаетъ долгомъ вновь обратиться къ патриотизму турецкихъ офицеровъ, несмотря на свое горячее желаніе, чтобы они оставались чужды политикѣ. Конституціонныя права, являвшіяся цѣлью военной революціи 1908 года, не обеспечены, а произвольно нарушаются во имя личныхъ интересовъ. Поэтому на офицерахъ, словившихъ тиранію Абдула-Хамида, лежитъ обязанность спасти отечество, тѣмъ болѣе, что остальная часть образованнаго общества, состоящая, главнымъ образомъ, изъ чиновниковъ, не обладаетъ необходимой для этого нравственной силой.

Въ виду сказаннаго, военная лига выставяетъ слѣдующія общеполитическія требованія: 1) замѣна нынѣшняго правительства другимъ, способнымъ заслужить довѣріе Европы; 2) отстраненіе безответственныхъ факторовъ отъ вмѣшательства въ управленіе страной; 3) роспускъ палаты, если будетъ доказана незаконность выборовъ, и производство новыхъ выборовъ безъ вмѣшательства полиціи. Помимо того, лига требуетъ для арміи: изгнанія изъ нея политики, какъ только будутъ приняты настоящія требованія; возвращенія въ ряды арміи офицеровъ, занимающихъ гражданскіе посты или состоящихъ делегатами партій; наконецъ, введенія начала справедливости, т.-е. признанія ответственности высшихъ офицеровъ на-ряду съ низшими, независимости военныхъ судовъ и производства въ чины за однѣ заслуги, внѣ постороннихъ вліяній.

Въ заключеніе, лига заявляеть, что прибѣгнетъ ко *всѣмъ* средствамъ какъ для достиженія своихъ цѣлей, такъ и для устраненія тѣхъ, кто тому окажется помѣхою.

Агитація „спасителей отечества“ увлекла за собою большую часть офицерства. 6 іюля депутація лиги предъявила свои требованія самому Султану. Младотурецкое правительство не рѣшилось прибѣгнуть къ помощи вѣрныхъ ему офицеровъ и вызвать гражданскую войну и подало въ отставку. Ничто такъ ярко не рисуеть господствовавшей въ это время анархіи, какъ тотъ фактъ, что на другой день послѣ приѣма депутація „спасителей отечества“ (7 іюля) Султанъ, очевидно подъ вліяніемъ младотурокъ, издалъ рѣзкій приказъ по арміи, въ коемъ осуждалъ требованія лиги, какъ противныя конституціи и правамъ халифата и султана; поведеніе солдатъ, занимающихся политикой и не повинующихся властямъ, прямо названо въ приказѣ измѣною, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ появленіе итальянцевъ у воротъ столицы (у Дарданелль).

Грозный приказъ остался, однако, безъ всякаго вліянія на ходъ событий. 9 іюля *Гази-Ахметъ-Мустаръ-паша* образовалъ новый каби-

нетъ, въ составъ котораго вошли наиболѣе видные дѣятели оппозиціи, какъ-то: старый врагъ младотурокъ *Кямиль-паша*, *Назимъ-паша* (военный министр) и, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, армянинъ Норадунгіянъ.

Третій періодъ.

(Отъ 9-го іюля 1912 года по 10-е января 1913 года.)

Положеніе, создавшееся такимъ образомъ, было, конечно, ненормальнымъ. Младотурецкое правительство пало, несмотря на то, что парламентъ былъ на его сторонѣ, а новое „либеральное“ правительство очутилось передъ младотурецкой палатой. При этомъ палата стала всячески уклоняться отъ конфликтовъ съ правительствомъ, дабы избѣжать роспуска. Стѣняясь, однако, не болѣе своихъ противниковъ въ выборѣ средствъ борьбы, кабинетъ Мухтара-паша добился очень скоро отъ Султана согласія на *закрытіе* палаты подъ предлогомъ, что она была созвана только для принятія 35-ой статьи конституціи; между тѣмъ, въ тронной рѣчи, которою Султанъ открылъ палату 5-го апрѣля, ея задачи отнюдь не исчерпывались пересмотромъ 35-й статьи, и ей, между прочимъ, предлагалось какъ можно скорѣе вотировать бюджетъ. Палата успѣла, однако, до прочтенія декрета о закрытіи, выразить недовѣріе правительству и отсрочить свои засѣданія впредь до созыва *председателемъ* (23 іюля 1912 г.). Такимъ образомъ создавался *новый куръезъ турецкаго парламентаризма*: конфликтъ между министерствомъ и *закрытой* палатой.

Попытка новаго „либеральнаго“ министерства внести успокоеніе въ страну не увѣнчалась успѣхомъ. Вчерашніе хозяева положенія перешли въ лагерь недовольныхъ, оставленный оппозиціей. Министерство обязало офицеровъ особой присягой къ отказу отъ всякой политической дѣятельности, потребовало такого отказа и отъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и отмѣнило осадное положеніе, тяготѣвшее надъ столицей и нѣкоторыми другими городами въ теченіе всего младотурецкаго режима. Но ненависть новыхъ заправиль и младотурокъ другъ къ другу была слишкомъ глубока для того, чтобы дальнѣйшая политическая борьба могла вестись нормально. Помимо того министерство сдѣлало въ первые же дни большую ошибку: объявивъ *всеобщую амнистію*, оно включило въ списокъ амнистированныхъ всѣхъ сторонниковъ Абдула-Хамида, чѣмъ дало обильную пищу обвиненію его въ скрытомъ сочувствіи реакціи. Младотурки, со своей стороны, продолжали усиленную пропаганду; и уже черезъ мѣсяцъ „либеральное“ министерство вновь ввело осадное положеніе и военные суды; а въ провинціи администрація, въ значительной степени „обновленная“, подготавливала выборы въ палату путемъ пріемовъ, мало уступавшихъ младотурецкимъ. Въ то же время всюду

попрежнему поднимала голову инородческая революція. *Албанскіе* повстанцы предъявили цѣлый рядъ требованій, клонящихся къ предоставленію имъ привилегій въ области языка, школьнаго дѣла и воинской повинности; въ *Арменіи* все болѣе развивалась анархія, и, наконецъ, ужасное положеніе христіанскаго населенія въ *Македоніи* привело къ давно назрѣвшей войнѣ съ его естественными покровителями—независимыми балканскими государствами.

Балканская война заставила, наконецъ, турецкое офицерство хоть на время прекратить свои раздоры. Но младотурецкіе политическіе дѣятели не прекратили своей агитаціи, стараясь использовать неблагоприятное теченіе войны для новаго захвата власти. Замѣнившій (17 октября 1912 года) Мухтара-пашу въ качествѣ великаго везира Кямиль-паша принялъ суровыя мѣры и даже арестовалъ многихъ главарей и членовъ партіи „Единенія и прогресса“. Но неудачи турецкой арміи, предводительствуемой противникомъ младотурокъ *Назимомъ-пашой*, дали обильную пищу младотурецкой агитаціи въ военныхъ кругахъ. Въ то же время вернувшійся изъ Триполитаніи, окруженный новымъ ореоломъ, *Энверъ-бей* отдалъ все свое вліяніе на службу партіи. Наконецъ, младотуркамъ представился и очень удобный случай придать своему возвращенію къ власти патріотическій смыслъ. 4 января 1913 года представители шести державъ предъявили Портѣ коллективную ноту, въ которой совѣтовали весьма настойчиво Турціи согласиться на уступку Болгаріи Адрианополя. 9 января собраніе высшихъ турецкихъ сановниковъ, созванное великимъ везиремъ, высказалось за миръ. А на другой день, 10 января 1913 года, *Энверъ* и *Талаатъ*, во главѣ двухсотъ младотурокъ, ворвались во время засѣданія совѣта министровъ въ Порту, убили вышедшаго къ нимъ военнаго министра *Назима-пашу* и заставили *Кямилля-пашу* подписать прошеніе объ отставкѣ. Въ тотъ же вечеръ *Махмудъ-Шефкетъ-паша* былъ объявленъ великимъ везиремъ, и власть вновь очутилась въ рукахъ младотурокъ. Населеніе Константинополя безмолвствовало.

За шесть мѣсяцевъ своего господства „либеральные“ противники „Единенія и прогресса“ явили міру яркій примѣръ убожества, превосходящаго несостоятельность младотурокъ. Какъ уже указано, официальные программы этихъ либераловъ изъ партіи „Согласія и свободы“ („Иттилахъ въ Хурриетъ“, по-французски „Entente Libérale“) и Народной мало чѣмъ отличались отъ младотурецкой программы; на самомъ же дѣлѣ „либералы“ объединялись исключительно личной ненавистью къ младотуркамъ и стремленіемъ захватить въ свою очередь власть надъ страной; въ ихъ рядахъ всегда находилось большое число скрытыхъ реакціонеровъ. Помимо того, всѣ эти такъ называемые либеральные дѣятели, обладая всѣми недостатками младотурокъ, не имѣли свойствен-

ныхъ послѣднимъ качествомъ: энергіи и нѣкоторыхъ организаторскихъ способностей. При провозглашеніи конституціи въ 1908 году всѣ хоть сколько-нибудь выдающіеся люди поступили въ союзъ „Единенія и прогресса“, который и образовалъ единственную въ странѣ *партію*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ другихъ спорадически возникавшихъ „либеральныхъ“ союзахъ не оказалось ни одного серьезнаго политика; нельзя же признать практическими государственными дѣятелями безпощаднаго теоретика принца *Сабахъ-Эд-Дина* и туманнаго мистика полковника *Садыка*. Поэтому „либералы“ невольно стали группироваться около чиновниковъ стараго режима *Гази-Ахмедъ-Мухтара-паша*, *Кямиля-паша*, *Решидъ-бей*, *Норадуніана*; при этомъ они не подчинили ихъ себѣ, какъ то сдѣлали младотурки со своими великими везирами Хильми, Хаккы и Саидомъ, а вполне имъ довѣрились. Во время „либеральной“ эры вся власть постепенно сосредоточилась въ рукахъ престарѣлаго Кямиля-паша. Но этотъ турецкій византиецъ, искусившійся во всѣхъ дворцовыхъ интригахъ хамидовскаго режима, не могъ, конечно, внести свѣжую струю въ оттоманскую государственную жизнь, и можно смѣло сказать, что его управленіе только повторяло и даже иногда усугубляло ошибки младотурокъ, не принеся въ конечномъ итогѣ никакой пользы странѣ.

Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться, что Энверъ и Талаатъ съ двумястами головорѣзовъ могли такъ быстро вырвать власть изъ рукъ своихъ враговъ. Всѣ перевороты, происходившіе въ молодой Турціи, отъ іюля 1908 г. до начала 1913 года,¹⁾ являлись выраженіемъ того или другаго настроенія большинства арміи, которое всегда угадывалось съ необыкновенной чуткостью партіями; потому они и обходились безъ особеннаго кровопролитія. Когда „спасители отечества“ выступили со своими требованіями, младотурки почувствовали, что большинство войска уже не на ихъ сторонѣ, а потому предпочли временно удалиться со сцены и заняться тайной агитаціей среди этого войска. А когда агитація имѣла успѣхъ, имъ понадобилась лишь кучка людей для новаго занятія Блистательной Порты. Населеніе же столицы и провинціи отнеслось къ перевороту 10 января 1913 г. столь же безразлично, какъ къ іюльскому перевороту 1912 года „спасителей отечества“.

Четвертый періодъ.

(Отъ 10 января 1913 года—по 29 іюня 1914 года.)

Временное торжество враговъ младотурокъ заставило послѣднихъ принять твердое рѣшеніе оградить себя на будущее время отъ столь часто мѣняющихся теченій въ арміи путемъ лучшей организаціи поли-

¹⁾ За исключеніемъ переворота 31 марта 1909 года, устроеннаго Абдуломъ-Хамидомъ.

тического сыска и принятія болѣе крутыхъ мѣръ по отношенію къ враждебнымъ имъ элементамъ. Четвертый періодъ младотурецкой эры—отъ убійства Назима-паши до появленія въ Дарданеллахъ „Гебена“ и „Бреслау“—является, поэтому, въ полномъ смыслѣ слова періодомъ *младотурецкаго террора*. Всѣ эти 18 мѣсяцевъ отмѣчены непрекращающейся, беспощадной борьбою вновь добравшейся до власти олигархіи съ все новыми и новыми противниками, стремящимися занять ея мѣсто,—борьбою, протекающей при глубокомъ равнодушіи огромной части турецкаго населенія.

Я могу здѣсь, конечно, привести только главнѣйшіе моменты этой борьбы.

Убійство *Назима-паши* не могло не вызвать новаго раскола въ арміи, въ которой у покойнаго было много сторонниковъ, немедленно образовавшихъ тайный военный союзъ; неудовольствіе среди офицеровъ получило новую пищу послѣ подписанія въ маѣ 1913 года лондонскихъ прелиминарныхъ условій мира, — когда стало ясно, что младотурецкій переворотъ не спасъ для Турціи Адрианополя. Какъ всегда, низшее духовенство—*софты* и *ходжи*—стало на сторону враговъ младотурокъ. Парижскій комитетъ *Шерифа-паши* сыпалъ деньгами и агитировалъ черезъ своихъ эмиссаровъ. Наконецъ, 2 іюня 1913 года Назимъ-паша былъ отомщенъ: великій везирь *Махмудъ-Шефкетъ* былъ убитъ при проѣздѣ въ автомобиль изъ военнаго министерства въ Порту.

Убійство Махмуда-Шефкета-паши подало сигналъ къ *настоящему террору*. Начались казни и массовые аресты и высылка противниковъ правительства. Въ то же время власть сосредоточивалась въ рукахъ все меньшаго числа лицъ: во главѣ министерства былъ поставленъ египетскій *принцъ Саидъ-Халимъ-паша*, человекъ съ европейскимъ лоскомъ, но безъ всякаго политическаго значенія. Судьбы страны всецѣло находились въ рукахъ энергичнаго карбонарія—министра внутреннихъ дѣлъ *Талаата-бея*; морского—хитраго генерала *Джемалъ-паши*, и *Энвера-бея*. Въ качествѣ вліятельныхъ людей этого періода можно еще назвать президента палаты депутатовъ *Халимъ*, министра финансовъ *Джавида* и генеральныхъ секретарей Комитета *Фетхи-бея* и *Мидхата Шукри*. Самъ же Комитетъ постепенно превращался въ столь же послушное орудіе этихъ немногихъ честолюбцевъ, какъ и раньше палата.

Захватъ очищеннаго болгарами Адрианополя въ іюль мѣсяцѣ, совершенный Энверомъ съ той же затратой геройства и силы, какихъ стоило ему въ 1908 году освобожденіе Турціи путемъ бѣгства въ горы, окончательно вскружилъ голову младотурецкимъ олигархамъ. Произволь ихъ уже ничѣмъ не отличался отъ деспотизма Абдула-Хамида. 32-лѣтній Энверъ вскорѣ занялъ мѣсто убитаго имъ военнаго министра Назима-паши, и триумвиратъ *Энверъ—Талаатъ—Джемалъ* энергично продолжалъ

очищеніе страны отъ своихъ противниковъ. Къ февралю 1914 года насчитывалось до 1,300 уволенныхъ (за неблагонадежность) генераловъ и офицеровъ. Въ администраціи всё сколько-нибудь отвѣтственные мѣста замѣщались сторонниками правительства. Выборы въ палату протекли при самыхъ войюющихъ и возмутительныхъ злоупотребленіяхъ; въ списки избирателей заносились почти исключительно сторонники правительства. Уволенные генералы, офицеры и чиновники образовали нѣсколько тайныхъ революціонныхъ комитетовъ, но, благодаря сыскной полиціи, организованной Джемалемъ пашою съ искусствомъ, которому навѣрно завидовалъ Абдуль-Хамидъ, всё эти заговоры раскрывались и кончались ссылкой заговорщиковъ. Къ концу періода оппозиція была вытѣснена за границу—въ Парижъ, Аѳины, Салоники, Каиръ.

Можно было думать, что несчастный исходъ балканской войны заставитъ младотурокъ въ корнѣ измѣнить свою внутреннюю политику: отказаться отъ панисламистскихъ затѣй и отъ турецкаго шовинизма, даровать странѣ извѣстную децентрализацію, а нѣкоторымъ областямъ съ инородческимъ населеніемъ—автономію; наконецъ, реорганизовать управленіе въ европейскомъ духѣ. Безпристрастный историкъ долженъ будетъ, однако, признать, что младотурки почти не воспользовались уроками прошлаго.

Правда, полное экономическое разореніе страны заставило ихъ принять рядъ мѣръ, долженствующихъ нѣсколько поднять ихъ кредитъ за границей. Министръ финансовъ *Джавидъ-бей* провелъ въ порядкѣ 36 (нашей 87) статьи конституціи *четыре закона*, имѣющіе цѣлью снять съ турецкаго *землевладѣнія* вѣковыя путы, наложенныя на него шеріатомъ. Этими законами впервые вводилось точное размежеваніе и расцѣнка недвижимостей; распространялось право наследованія вакуфныхъ земель, которое до сихъ поръ принадлежало только родственникамъ до 7 степени, на родственниковъ до 12 степени; впервые разрѣшалось юридическимъ лицамъ владѣніе недвижимостями, и, наконецъ, вводилась ипотечная система. Былъ изданъ еще рядъ другихъ законовъ, имѣющихъ цѣлью поднять матеріальное благосостояніе страны; вновь было приглашено нѣсколько иностранныхъ специалистовъ на турецкую службу. Но это *все*, что можно поставить въ заслугу младотурецкому режиму за рассматриваемый періодъ. Во всемъ *остальномъ* внутренняя политика младотурокъ можетъ быть охарактеризована какъ *возвращеніе къ пріемамъ Абдула-Хамида*.

Такъ, *православное населеніе* части Оракіи, вновь занятой въ іюль 1913 года турками, подверглось отчасти избіенію, отчасти жестокимъ притѣсненіямъ, которыя заставили выселиться массу жителей, особенно грековъ. *Преслѣдованія грековъ* вскорѣ начались и въ Малой Азіи, причемъ совершенно ясно обнаружилась тенденція турецкаго правительства

вызвать массовую эмиграцію христіанъ для того, чтобы заселить покинутыя ими мѣста турецкими бѣженцами изъ Македоніи. Притѣсненія греческаго населенія Малой Азіи въ іюнь 1914 года вызвали, наконецъ, представленія великихъ державъ. Порта любезно предложила комисіи изъ представителей шести посольствъ сопровождать Талаата во время его поѣздки „для водворенія порядка“ по Малой Азіи. Комиссія вынесла полное убѣжденіе, что прискорбныя событія вызваны были правительствомъ и агентами Комитета „Единенія и прогресса“.

Еще въ худшемъ положеніи находилась *Арменія*, пока Россія не заставила младотурецкое правительство подписать актъ 26 января 1914 г., коимъ управленіе Армেনіей поручалось двумъ генеральнымъ инспекторамъ-иностранцамъ и населенію даровались извѣстныя льготы въ области самоуправленія, суда, языка и отбыванія воинской повинности. Но едва лишь началась война между нами и Германіей, какъ Порта поспѣшила *de facto* отмѣнить реформы, отозвавъ генеральныхъ инспекторовъ.

Не большей политической мудростью отличалось поведеніе младотурокъ по отношенію къ арабамъ. Въ январѣ 1913 года въ Бейрутѣ началось движеніе въ пользу арабскаго областного управленія. Младотурки закрыли комитетъ реформъ, но, испугавшись движенія, въ іюль 1913 года заключили въ *Парижѣ*, черезъ посредство генеральнаго секретаря „Единенія и прогресса“ *Мидхата-Шукри-бея* секретное соглашеніе съ арабами, которымъ сдѣлали большія уступки. Захватъ Адрианополя поднялъ, однако, духъ младотурокъ до такой степени, что они вскорѣ отказались отъ этого соглашенія, и въ августѣ, уже въ *Константинополѣ*, заключили *другое*, значительно сузившее сдѣланныя уступки: все же арабамъ обезпечивалось преподаваніе на родномъ языкѣ въ среднихъ и низшихъ школахъ арабскихъ вилайетовъ и назначеніе на должности въ этихъ областяхъ только лицъ, владѣющихъ арабскимъ языкомъ. Сверхъ того, арабамъ предоставлялось три портфеля въ министерствѣ и извѣстное число сенаторскихъ и депутатскихъ мѣстъ. Но и *это* соглашеніе не было даже опубликовано. Правительство обнародовало только небольшіе его обрывки касательно употребленія арабскаго языка, отбыванія воинской повинности на мѣстахъ и управленія вакуфами. Разумѣется, такое поведеніе вызвало среди арабовъ огромное неудовольствіе.

Наконецъ, возстали противъ младотурокъ и нѣкоторыя *курдскія* племена, и правительству пришлось одно время серьезно повозиться съ *бит-мисскими курдами*. Словомъ, всюду царилъ великая *смута*.

Очень характерно, что младотурецкое правительство, подражая Абдулу-Хамиду, какъ только поднимался вопросъ о реформахъ для какой-либо области, немедленно выступало съ проектомъ общихъ реформъ для всей Имперіи, дѣлающимъ ненужными частныя. Такъ,

15 марта 1913 года былъ изданъ новый законъ объ управленіи вилайетами, далеко, однако, не соответствовавшій потребностямъ населенія въ самоуправленіи; а когда Порта узнала, что русское посольство собирается внести въ комиссію шести посольствъ въ Еникейѣ проектъ армянскихъ реформъ, она въ три дня сочинила *свой* проектъ реформъ для *всей Имперіи*, который и представила державамъ, проектъ настолько нелѣпый, что вызывалъ подчасъ недоумѣніе даже у его присяжнаго защитника—представителя германскаго посольства въ упомянутой еникейской комиссіи.

При господствѣ такой анархіи въ странѣ младотурецкіе повелители находили, однако, возможнымъ позволять себѣ роскошь *панисламизма* или по крайней мѣрѣ *пантюркизма*. Неожиданное взятіе Адрианополя, несмотря на запретъ Европы, повидимому, повергло этихъ людей въ состояние какого-то *политическаго психоза*. Они забыли о потерѣ Македоніи, Албаніи и части Фракіи и помнили только о возвращеніи Адрианополя. Мусульманскій фанатизмъ и турецкій шовинизмъ заволокли ихъ глаза двойнымъ туманомъ. Въ Константинополѣ образовалось общество „Мусульманскаго единенія“ и воскресло „Панисламистское общество просвѣщенія“; обсуждался планъ медицинскаго университета; тайные эмиссары отправлялись въ Индію и Египетъ. Съ другой стороны, *пантюркисты* основали три клуба въ одномъ Стамбулѣ и вели въ своихъ органахъ оживленную пропаганду въ пользу объединенія тюркскихъ расъ.

Такимъ образомъ, *царство Энвера, Талаата и Джемала* во всемъ рѣшительно походило на державу Абдула-Хамида. Введеніе только самыхъ неизбѣжныхъ, преимущественно экономическихъ и финансовыхъ реформъ; деспотизмъ и терроръ, какъ единственные принципы управленія; панисламизмъ, какъ одна изъ опоръ внѣшней политики; избіеніе и притѣсненіе христіанъ, пока за нихъ не заступится Европа; и, наконецъ, дарованіе областямъ съ инородческимъ населеніемъ льготъ только подъ давленіемъ иностранныхъ державъ, и притомъ съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять обѣщаннаго, — *вотъ главныя черты и хамидовскаго и талаатовскаго режима*. И когда великій везирь *Саидъ-Халимъ* наша подписалъ 26 января 1914 года съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ *К. Н. Гумлевицемъ* актъ, коимъ Турція обязалась передъ Россіей обратиться къ державамъ съ нотою объ армянскихъ реформахъ, старый Султанъ, созерцающій эту картину изъ оконъ красиваго Бейлербейскаго дворца на Босфорѣ, могъ съ полнымъ правомъ воскликнуть: „Аллахъ великъ! Для этого не стоило мѣнять правительства!“

Вотъ въ эту-то безформенную, разлагающуюся массу талаато-хамидовскаго „государства“ въ историческое утро 29 іюля 1914 года глубоко врѣзались носы германскихъ военныхъ судовъ „Гебена“ и „Бреслау“.

2. Внешняя политика младотурокъ.

Изъ всѣхъ западныхъ культуръ повліяла на турецкую жизнь одна культура *французская*. Огромная сѣть французскихъ духовныхъ и свѣтскихъ школъ, съ давнихъ поръ разстилавшаяся по Турціи; большое число французскихъ промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предприятий; наконецъ, традиціонная политическая франко-турецкая дружба и даже братство по оружію во время крымской войны—всѣ эти обстоятельства обращали взоры всякаго хоть сколько-нибудь мыслящаго турка въ сторону Франціи и заставляли его въ большей или меньшей степени знакомиться съ ея языкомъ. Французское культурное вліяніе одно боролось въ Турціи съ темными силами шеріата.

Особенно близкими къ Франціи чувствовали себя, конечно, *турецкіе либералы*; и когда началось тайное младотурецкое движеніе, политическая эмиграція направилась именно въ эту страну; въ Парижѣ издавался подъ редакціей *Ахмеда-Ризы* младотурецкій органъ *Мешверетъ*; въ то же время французскіе политическіе трактаты, строго воспрещенные Абдуломъ-Хамидомъ, всетаки проникали въ Турцію и будили лѣнливую восточную мысль.

Большимъ обаяніемъ пользовалось всегда въ Турціи и имя *Англіи*, но исключительно какъ защитницы цѣлости имперіи; *культурнаго* вліянія Англія въ Турціи безусловно не имѣла. Турецкіе же либералы поклонялись ей наравнѣ съ Франціей, какъ носительницѣ высшихъ политическихъ идеаловъ.

При такихъ условіяхъ *германобфильская* политика султана *Абдула-Хамида* не могла встрѣтить сочувствія среди болѣе образованной части турецкаго общества, находящейся въ глухой оппозиціи деспотическому режиму. Конечно, нѣмецкій языкъ и нѣмецкая „культура“ поневолѣ прививались турецкимъ офицерамъ, командированнымъ въ Германію, или юнкерамъ, слушающимъ курсъ наукъ у нѣмецкихъ инструкторовъ въ константинопольскомъ военномъ училищѣ. Но за предѣлы военныхъ круговъ нѣмецкое вліяніе не распространялось. Правда, нѣмцы за послѣднее десятилѣтіе открыли не мало нѣмецкихъ школъ въ Турціи, особенно въ Палестинѣ, но онѣ плохо посѣщались турками. 1) Вообще нужно сказать, что нѣмецкій характеръ съ его расчетливостью, педантичностью и грубостью очень не по душѣ турку, и всѣмъ извѣстно, что турецкіе солдаты отъ всей души ненавидятъ своихъ нѣмецкихъ инструкторовъ.

---

1) Я позволю себѣ сослаться на свой собственный опытъ: за 16 лѣтъ своего пребыванія въ Турціи я не встрѣтилъ среди турукъ ни одного *не-военнаго*, говорящаго по-нѣмецки.

Такимъ образомъ, о проникновеніи такъ называемой *германской культуры* въ турецкую жизнь за царствованіе Абдула-Хамида не можетъ быть и рѣчи. А колонизація турецкихъ земель нѣмцами, отдача имъ Багдадской дороги и другихъ выгодныхъ концессій, вообще начинающееся *экономическое* проникновеніе Германи въ Турцію совершалось, конечно, въ интересахъ не турецкаго народа, а одного Абдула-Хамида. Послѣ личнаго общенія съ Вильгельмомъ, не побрезгавшимъ дважды отправиться на поклонъ къ султану, этотъ послѣдній хорошо зналъ, что нигдѣ онъ не встрѣтитъ такой сильной политической поддержки, какъ у германскаго императора, конечно, пока онъ будетъ исполнять всѣ его желанія въ области экономической. Такимъ образомъ, составилъ *личный* союзъ двухъ величайшихъ деспотовъ современнаго міра.

При такихъ условіяхъ излишне настаивать на чувствахъ младотурокъ къ нѣмцамъ въ дореволюціонный періодъ ихъ исторіи. И эти чувства дали себя знать, какъ только была одержана первая побѣда надъ Абдуломъ-Хамидомъ и провозглашена конституція.

Отставка великаго везира *Ферида-паша*, извѣстнаго сторонника Германи и Австріи, была первымъ ударомъ для германской политики въ Турціи. Феридъ-паша унесъ съ собою всѣ мечты объ австро-германо-турецкомъ союзѣ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, уже весьма близкомъ къ осуществленію. По этимъ свѣдѣніямъ, наша добрая мюрцштегская союзница Австрія въ 1908 году заключила съ Турціей тайную конвенцію, по которой она обязывалась охранять *status quo* въ Македоніи, а черезъ три года содѣйствовать возстановленію всѣхъ верховныхъ правъ Султана въ этой области. По той же конвенціи Австрія, будто бы, обязалась принудить Сербію и Черногорію къ нейтралитету въ случаѣ столкновенія Турціи съ Болгаріей; Турція же обязалась не допускать сербской пропаганды въ Санджакъ и даровать всѣ концессіи въ Салоникскомъ и Ускюбскомъ вилайетахъ однимъ австрійскимъ и венгерскимъ подданнымъ.

Согласно тѣмъ же свѣдѣніямъ, новые властители Турціи не ратификовали этой конвенціи. Феридъ замѣнилъ извѣстный англофилъ *Клямль-паша*. А новый англійскій посолъ *Sir Gerald Lowther*, при вѣздѣ вынесенный младотурками на рукахъ изъ вагона, подчеркнул на аудіенціи у султана особенныя симпатіи Англии къ обновленной Турціи. Еще болѣе горячій обмѣнъ симпатій состоялся между младотурками и *французскимъ* правительствомъ и обществомъ. Но, сверхъ того, произошло нѣчто совершенно неожиданное—сближеніе молодой Турціи съ вѣковымъ врагомъ старой, съ *Россією*.

Сближеніе это произошло не только потому, что Россія была другомъ Франціи и Англии. Очень сильное впечатлѣніе на младотурокъ про-

извѣлъ *циркуляръ А. П. Извольскаго*, обезпечившій молодой Турціи симпатіи и даже поддержку Россіи, при непремѣнномъ условіи, что она проведетъ возвыщенныя реформы и откроетъ новую эру для христіанскаго населенія имперіи. Не меньшее сочувствіе вызвала въ Турціи рѣчь нашего министра иностранныхъ дѣлъ, произнесенная въ Государственной Думѣ 12 декабря 1908 г. ¹⁾ Идея русско-турецкаго сближенія изъ правительственныхъ сферъ перешла въ *общественныя* и отразилась въ цѣломъ рядѣ любопытныхъ статей въ русской и турецкой прессахъ. Сначала *Икдамъ* (въ отвѣтъ на статьи *Новаго Времени*), а затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, и политическіе противники *Икдама*—органы комитета „Единенія и прогресса.“—*Таминъ* и *Шураи-Умметъ*, стали доказывать необходимость для обновленной Россіи и молодой Турціи забыть старые счеты и открыть новую эру добрососѣдскихъ отношеній; при этомъ они вполнѣ принимали, какъ входящее въ младотурецкую программу, русское требованіе о равноправности христіанъ съ мусульманами. Названные турецкіе органы стали также сочувственно отзывать на призывъ русской печати къ совмѣстной борьбѣ противъ Австріи и Германіи и даже выражать симпатіи идеѣ образованія балканскаго союза, въ который входила бы Турція. ²⁾

1) „Эти три государства (Болгарія, Сербія, Черногорія) должны проникнуться сознаніемъ о необходимости между ними нравственнаго и политическаго единенія. Нашей цѣлью должно быть—сплотить между собою эти государства и объединить ихъ вмѣстѣ съ Турціей одною общюю мыслью о защитѣ ихъ національной и экономической самостоятельности“.

2) Приводимъ нѣкоторыя любопытныя выдержки изъ статей турецкой періодической печати этого времени.

Икдамъ отъ 22 сентября 1908 года:

„*Новое Время* указываетъ, подкрѣпляя наши прежнія замѣчанія, что доброжелательное отношеніе петербургскаго правительства проявилось *на дѣлѣ*, т.-е. во взятіи назадъ предложеній о македонскихъ преобразованіяхъ и въ отозваніи русскихъ жандармскихъ офицеровъ. Но затѣмъ газета замѣчаетъ: передъ лицомъ закона Турція сравняла славянъ съ мусульманами; Россія будетъ вполнѣ удовлетворена, если это общаніе будетъ осуществлено *на дѣлѣ*.“

„Что касается насъ, то мы не только вполнѣ одобряемъ эти слова, но и придаемъ имъ большое значеніе и обращаемъ на нихъ вниманіе всѣхъ нашихъ соотечественниковъ. Хотя мы это говорили уже не разъ, но, къ сожалѣнію, чувствуется необходимость повторяться.“

„Небывалое въ исторіи явленіе, что вся Европа съ Россіей во главѣ предоставляетъ намъ такую свободу дѣйствій, предполагаетъ соблюденіе одного существеннаго условія: что мы осуществимъ въ ближайшемъ будущемъ свободу, равенство и братство, которыя мы обѣщали всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ безъ различія племени и вѣроисповѣданія; мы не должны, какъ то было раньше, только начертать ихъ на бумагѣ и нарушать на дѣлѣ. А не то, опять воскреснетъ восточный вопросъ. Опять Россія съ Европой начнутъ вмѣшиваться во все наши внутреннія и внѣшнія дѣла и безпокоить насъ. Зачѣмъ скрывать правду? Зачѣмъ видѣть только выгоды нынѣшняго нашего положенія и закрывать глаза на ея опасности?“

Такое отношеніе младотурокъ къ державамъ тройственнаго согласія въ первые медовые мѣсяцы ихъ свободы объясняется, конечно, не только идеологіею, но прежде всего тѣмъ, что Австрія и стоящая за ней Германія влили имъ въ этотъ медъ изрядное количество дегтя какъ при соединеніи Босніи и Герцеговины, такъ и объявленіемъ независимости

Издамъ отъ 25 сентября 1908 года: „Мы съ величайшей радостью печатаемъ отзывы русской прессы о настоящемъ положеніи. Наши слова получили подтвержденіе. Россія, по примѣру Англій, не одобряетъ правонарушеній, совершонныхъ Австріей и Болгаріей, не оправдываетъ ихъ политическою необходимостью или давленіемъ общественнаго мнѣнія. Для насъ это благая вѣсть, подкрѣпляющая высказанную нами съ самаго начала мысль о разрѣшеніи вопроса путемъ международной конференціи.

„Изъ дня въ день становится очевиднѣе, что наши русскіе друзья обнаруживаютъ въ тысячу разъ болѣе пріязни и расположенія къ оттоманской конституціи, чѣмъ австрійцы и вѣмцы. Слѣдовательно, какъ до извѣстной степени уже выяснилось изъ обмѣна мыслей между нами и *Новымъ Временемъ*, въ русской политикѣ по отношенію къ Турціи произошла весьма счастливая пере мѣна, и отъ степени нашего умѣнія уже будетъ зависѣть, какъ мы ею воспользуемся“.

Шураи - Умметъ отъ 28 октября 1908 года: „Мысль о политическомъ соглашеніи между Россіей и Турціей зародилась первоначально въ русской печати и въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Эта мысль возникла сначала въ радикальныхъ и либеральныхъ кружкахъ и органахъ печати. Но постепенно она распространилась и была воспринята остальными партіями. Сегодня эта мысль, съ тѣми или иными отгѣнками раздѣляется всѣми, начиная съ конституціонныхъ *Русскихъ Вѣдомостей* и кончая полуофициальнымъ *Новымъ Временемъ*. Это показываетъ, что самые либеральные и самые консервативные русскіе питаютъ одиѣ и тѣ же мысли относительно соглашенія съ Турціей. Такое предложеніе русскихъ очень обрадуетъ турецкое общественное мнѣніе, которому извѣстно, что желаютъ дружбы только сильныхъ народовъ. И если петербургскій кабинетъ предложитъ соглашеніе для закрѣпленія искреннихъ отношеній между обѣими странами, то нужно думать, что такое предложеніе будетъ встрѣчено съ полной радостью Портою. По нашему мнѣнію, настоящія отношенія не исключаютъ возможности заключенія политическаго соглашенія... Со временъ Портъ-Артура и Цусимы петербургская иностранная политика стала, дѣйствительно, миролюбивою. Дозволятельными этому служатъ: политика соглашеній съ Англійей относительно Индіи, афганской границы и персидскихъ зонъ вліянія; данные на-дняхъ Сербіи мудрые со-вѣты; наконецъ, тотъ фактъ, что русская печать и общественное мнѣніе обдумываютъ возможность заключенія соглашенія съ нами и сочувственно относятся къ такому соглашенію. Съ сосѣднимъ государствомъ, обнаруживающимъ столь положительнымъ образомъ мирный образъ мыслей, можно заключить соглашеніе о восточныхъ границахъ Турціи, о румелійскихъ реформахъ, о капитуляціяхъ и объ обезпеченіи настоящаго положенія проливовъ. Истинная политика турецкаго правительства заключается въ обезпеченіи мирнымъ путемъ прогресса культуры и въ защитѣ народныхъ правъ. Настоящее константинопольское правительство готово протянуть руку дружбы и согласія желающему содѣйствовать достиженію имъ этой дѣли. Турки же готовы отвѣтить искренней и настоящей любовью на всякій обнаруженный по отношенію къ нимъ добрый помыселъ“.

Тамъ отъ 24 ноября 1908 года:

„...Въ русскихъ политическихъ кругахъ полагаютъ, что настало время изыскать средства для созданія препонъ австрійской политикѣ на Балканахъ и скрывающемся

Болгаріи, приписанным младотурками главнымъ образомъ проискать Австріи. А въ это время *Россія* выступила съ финансовымъ предложениемъ, предупредившимъ конфликтъ между Турціей и Болгаріей; а именно, русское правительство дало софійскому кабинету возможность покончить безъ немедленныхъ затратъ всѣ денежные счета съ Турціей; согласно русскому предложению, бѣльшая часть турецкаго долга Россіи, состоящаго изъ неуплаченныхъ еще взносовъ военного вознагражденія за войну 1877 года, была переведена на Болгарію.

Въ эти дни, казалось, *австро-германскому вліянію въ Турціи* былъ положенъ конецъ. Австрійскіе товары бойкотировались самымъ беспощаднымъ образомъ во всей имперіи; на многочисленныхъ митингахъ проклинали имя Австріи, а передъ посольствами тройственного согласія происходили сочувственныя демонстраціи, и приѣзжающіе въ Констан-

за этой политикою пангерманизму. Тамъ думаютъ, что наступило время отвернуться отъ прошлаго и избрать путь, согласный съ интересами обѣихъ странъ (Россіи и Турціи) въ будущемъ. Если русскимъ дипломатамъ удастся согласовать политику обѣихъ державъ способомъ, соответствующимъ ихъ надеждамъ и идеаламъ, то этимъ они обезпечатъ себѣ крупный успѣхъ въ будущемъ и спасутъ европейское равновѣсіе отъ серьезной опасности“.

Шураи-Умметъ отъ 21 ноября 1908 года:

„*Новое Время* видитъ, что Турція обновляется. Оно говоритъ, что отношенія между Турціей и балканскими славянами измѣнятся кореннымъ образомъ и что въ слѣдствіе совпаденія интересовъ всѣ они могутъ образовать одно плѣое.—У малыхъ государствъ всегда „великія идеи“, вредныя для нихъ самихъ и безпокоящія великія державы... Если балканскія государства откажутся отъ этихъ „великихъ идей“, то Турція готова собрать ихъ вокругъ себя и быть съ ними въ союзѣ...“

„Что касается дружескаго соглашенія и союза съ Россіей, то Турція, управление и политика которой подвергаются обновленію, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ мирѣ. Нужно возобновить дружественныя отношенія со всеми государствами и въ особенности съ русскимъ сосѣдомъ. Слова *Наваго Времени*: „подобно тому какъ Россія заключила дружеское соглашеніе съ вѣковыми своимъ врагомъ, Англією, точно такъ же она можетъ заключить союзъ съ Турцією, находящейся въ тѣхъ же условіяхъ“, соответствующую, по нашему убѣжденію, интересамъ обоихъ государствъ; Россія, какъ и мы, нуждается въ мирѣ. Союзъ между двумя государствами требуется слѣдующими обстоятельствами: обѣ стороны нуждаются въ мирѣ; Россія и Турція—сосѣди; у Россіи есть мусульманскіе подданные, а у насъ—славянскіе.“

„Въ былое время Англія, Франція и Турція бокъ-о-бокъ вели войну съ Россіей. Сегодня же Россія заключила съ Англіей дружественное соглашеніе, а съ Франціей находится въ союзѣ. Какъ мы во время крымской кампаніи рядомъ съ этими великими державами сражались противъ Россіи, такъ и нынѣ, вмѣстѣ съ ними, мы должны быть союзниками Россіи.“

„Одинъ нѣмецкій ученый сказалъ: для того, чтобы идти впередъ, нужно забыть о прошломъ. Нации, а въ особенности ихъ руководители должны забывать о ненависти, злобѣ, враждѣ и негодованіи, дабы обрѣсти миръ. Если изъ Петербурга намъ будутъ предложены соглашеніе или союзъ, въ формѣ, соответствующей интересамъ и достоинству обоихъ государствъ, мы примемъ и опѣнимъ такое предложеніе съ полной искренностью и радостью“.

тинополь французскіе и англійскіе политическіе дѣятели, а также русскіе, какъ, напримѣръ, *А. И. Гучковъ*, чествовались младотурками (январь 1909 г.).

Но все это продолжалось не долго.

Первая брешь въ начинающееся сближеніе между Турціей и тройственнымъ согласіемъ была пробита вынужденной *отставкою англо-фильскаго великаго везира Кямила-паши*, вызвавшею въ Англии сильное охлажденіе къ младотуркамъ. Съ другой стороны, послѣдовавшее 26 февраля 1909 года соглашеніе съ Австріей по боснійскому вопросу повело къ нѣкоторому осторожному сближенію Порты съ тою же Австрією на почвѣ такъ называемой *сербской опасности*. Все же къ концу перваго періода младотурецкаго господства, т.-е. наканунѣ переворота 31 марта 1909 года, положеніе тройственнаго союза въ Константинополь было очень шаткое, и въ частности Германія *не* вернула утраченныхъ ею вслѣдствіе младотурецкой революціи позицій. Поэтому реакціонный переворотъ 31 марта былъ встрѣченъ германскимъ посольствомъ и стамбульскими нѣмцами съ плохо скрываемымъ чувствомъ удовлетворенія.

Но совершенно неожиданно положеніе измѣнилось въ пользу Германіи не послѣ реакціоннаго переворота, а какъ только былъ низложенъ Абдуль-Хамидъ. Во главѣ оккупационной арміи и временнымъ диктаторомъ молодой Турціи оказался испытанный другъ Германіи *Махмудъ-Шефкетъ-паша*. И немедленно вся официальная и неофициальная Германія стала выкрикивать съ необыкновеннымъ цинизмомъ, что она никогда не сочувствовала лично Абдуль-Хамиду, а *всей* благородной турецкой націи. Дипломатическое положеніе тройственнаго союза еще болѣе упрочилось, когда мѣсто великаго везира Хильми-паши въ январѣ 1910 года занялъ личный другъ германскаго посла, барона Маршалла-фонъ-Биберштейна, *Хаккы-паша*.

Помимо этихъ чисто *внѣшнихъ* причинъ, имѣлся цѣлый рядъ очень глубокихъ *внутреннихъ*, обусловившихъ за второй періодъ младотурецкаго владычества новый сдвигъ Турціи въ сторону тройственнаго союза.

Одной изъ такихъ причинъ являлся злополучный *критскій* вопросъ. Къ началу конституціоннаго періода на островѣ уже не было турецкихъ войскъ, замѣненныхъ отрядами четырехъ державъ-покровительницъ (Россія, Англія, Франція, Италія), и власть султана существовала только по имени. Тѣмъ не менѣе турецкое общественное мнѣніе относилось къ малѣйшему нарушенію этихъ чисто-фиктивныхъ правъ султана съ большею чуткостью и ревностью, чѣмъ къ потерѣ турецкихъ правъ на Болгарію и Боснію. Такимъ образомъ, четыремъ державамъ приходилось лавировать между воплиѣ естественными стремленіями критянъ къ полному сліанію съ Греціей и до болѣзненности чувствительнымъ само-

любимъ младотурокъ. Германія же и Австрія, ушедшія уже давно изъ концерта великихъ державъ по критскому вопросу, оставались нейтральными зрительницами и не упустили случая использовать создавшееся положеніе. Во время боснійскаго кризиса христіанскіе члены критскаго собранія присягнули греческому королю. Тѣмъ болѣе фактъ отозванія державами-покровительницами въ іюнѣ 1909 года своихъ отрядовъ съ острова вызвалъ среди младотурокъ большую горечь. Вторичное принесеніе критскимъ собраніемъ греческому королю присяги въ 1910 году, требованіе принесенія этой присяги отъ мусульманскихъ членовъ собранія и отъ мусульманскихъ судей (кадіевъ), избраніе критянами депутатовъ въ греческій парламентъ—все эти факты сильно раздражали младотурокъ и привели къ очень дѣятельному бойкоту греческой торговли въ имперіи. Въ то же время въ турецкой прессѣ все сильнѣе звучала нота раздраженія противъ державъ-покровительницъ, въ особенности противъ Англіи, несмотря на то, что эти державы отказывали всѣмъ шагамъ критянъ въ своей санкціи и даже арестовали посланныхъ въ Аѳины депутатовъ. Турки требовали официальнаго признанія своего суверенитета надъ островомъ, о которомъ умалчивалось въ критской конституціи, и, не получая его, преисполнялись злобою противъ державъ-покровительницъ.

Не менѣе выгодное положеніе, чѣмъ въ критскомъ вопросѣ, Германія и Австрія, силою вещей, занимали въ несравненно болѣе важныхъ для Турціи вопросахъ *македонскомъ* и *балканскомъ*. Россія, въ силу своей исторической миссіи, всегда должна была свои дружескія чувства къ Турціи соразмѣрять со степенью доброжелательства турецкой политики по отношенію къ македонскимъ славянамъ и къ славянскимъ государствамъ на Балканахъ. Германія же и Австрія, свободныя отъ подобныхъ узъ, могли, въ случаѣ нужды, пріобрѣсти дружбу Порты цѣною допущенія турецкаго произвола въ Македоніи или даже путемъ совмѣстнаго съ Турціей выступленія противъ естественныхъ защитницъ македонцевъ—Сербіи и Болгаріи. Такое положеніе сильно облегчало австро-германской дипломатіи ея интриги противъ Россіи.

Русская идея балканскаго блока или союза, въ который входила бы Турція, въ началѣ конституціоннаго періода была встрѣчена турецкою печатью съ сочувствіемъ, въ которомъ проскальзывало, однако, очень часто нѣкоторое къ намъ недовѣріе. Путешествіе въ февралѣ 1910 года короля Фердинанда въ Петроградъ и ласковый пріемъ, ему тамъ оказанный, сильно встревожили турокъ; разумѣется, австрійское и германское правительства постыѣшили усилить эту тревогу, издавъ Communiqué о свиданіи въ Берлинѣ канцлера *Бетмана-Хольвега* съ графомъ *Эренталемъ*, въ которомъ подчеркивалось ихъ сочувствіе сохраненію status quo на Ближнемъ Востокѣ и упроченію внутренняго строя Турціи, какъ

будто тому или другому угрожала опасность. Русской дипломатіи въ Царьградѣ удалось, впрочемъ, временно разсѣять неосновательныя турецкія подозрѣнія. Послѣдовавшія вскорѣ затѣмъ путешествія въ Константинополь, сначала министровъ Данева и Миловановича, а затѣмъ самихъ королей Фердинанда и Петра (въ мартѣ 1910 года), не привели, однако, къ какимъ-либо существеннымъ результатамъ, да и не могли къ нимъ привести въ виду непрекращенія турецкаго террора въ Македоніи. Съ другой стороны, подъ влияніемъ этихъ насилій надъ славянами, русская, французская и англійская печать постепенно переходила отъ дружескаго отношенія къ молодой Турціи къ рѣзко отрицательному. Это настроеніе общественнаго мнѣнія странъ тройственнаго согласія должно было заставить Турцію или отказаться отъ своей политики репрессій, или же застраховать себя въ Берлинѣ и Вѣнѣ отъ опасности новаго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Младотурки выбрали *второй* путь, т.-е. они пошли туда, гдѣ ихъ антиславянская политика вызывала не критику, а живѣйшее одобреніе и сочувствіе.

Поощряя, такимъ образомъ, безразсудную политику младотурокъ въ Европѣ, *австро-германская дипломатія* толкала ихъ на приключенія и въ *Азіи*, указывая на опасность, грозящую имъ будто бы въ *Арменіи*—отъ Россіи, въ *Аравіи*—отъ Англій, стремящейся къ созданію арабскаго халифата, а въ *Персіи*—отъ той и другой.

Въ разсматриваемомъ періодѣ особенную важность приобрѣлъ *персидско-турецкій пограничный споръ*. Съ давнихъ поръ Турція отдѣлялась отъ Персіи не пограничною чертою, а такъ называемой спорною или нейтральной зоной, въ которой фактически распоряжались пограничныя племена. Въ 1905 году, пользуясь исключительными обстоятельствами, созданными нашей войной съ Японіей, турки начали наступательное движеніе въ глубь *безспорной* персидской территоріи и къ 1910 году уже занимали значительную часть Персіи на востокъ отъ нейтральной зоны (около 12,000 километровъ). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это движеніе турокъ имѣло ближайшею цѣлью приобрести базу противъ Россіи. Захваты въ Персіи обезпечивали Турціи не только болѣе удобныя дороги для передвиженія своихъ войскъ изъ Месопотаміи на сѣверъ, но и приблизили ее къ Хою, отчего возникла опасность для Эриванской губерніи. А послѣ нашего появленія въ Азербейджанѣ турецкая оккупация пограничныхъ персидскихъ областей являлась уже угрозою для нашего отряда въ Тавризѣ. Отсюда ясно, что персидско-турецкій пограничный споръ имѣлъ огромное значеніе для Россіи, а также и для Англій. Начиная съ 1905 года русскій и англійскій послы протестовали передъ Портою противъ турецкихъ захватовъ. Совмѣстные протесты эти приняли весьма настойчивый характеръ послѣ заключенія англо-русскаго соглашенія 1907 года, но они не имѣли особаго успѣха

до посылки русскаго отряда въ Хой, остановившаго по крайней мѣрѣ дальнѣйшее движеніе турокъ.

Такимъ образомъ, *персидско-турецкій вопросъ* въ разсматриваемый періодъ 1909—1911 годовъ являлся однимъ изъ самыхъ большихъ мѣстъ русско-турецкихъ и англо-турецкихъ отношеній. Тайно поощряемые Германіей въ своемъ движеніи въ Азербейджанъ, населенный тюркскими племенами, младотурки встрѣтили со стороны Россіи и Англии энергичный отпоръ, который вызвалъ въ нихъ противъ этихъ державъ плохо скрываемое озлобленіе.

Несмотря, однако, на значительный успѣхъ своихъ интригъ, Германіи и Австріи все же не удалось, ни во время великаго везирата *Хильми-паша*, ни даже при *Хаккы-паша*, т.-е. вплоть до итальянской войны, склонить Турцію къ *открытому* переходу на сторону тройственнаго союза. Правда, *Хаккы-паша* и *Махмудъ-Шефкетъ* были безусловно за самое тѣсное единеніе съ Германіей и Австріей; *фонъ-деръ-Гольцъ* занялся реорганизаціей турецкой арміи, среди которой все болѣе усиливались германофильскія тенденціи; наконецъ, *Хаккы-паша* поѣхалъ въ августъ 1910 года въ *Мариенбадъ* на поклонъ къ графу Эренталу; а о содержаніи происходившихъ тамъ бесѣдъ можно судить по рѣчи въ австрійскомъ рейхсратѣ депутата *Бернрейтера* о подготовляющемся соглашеніи между Австріей, Германіей и Турціей съ цѣлью созданія „мирной укрѣпленной позиціи отъ Босфора до Балтики“. Все же *союза* пока заключено не было, въ виду существующаго среди гражданскихъ членовъ „Единенія и прогресса“ теченія, не желающаго окончательно порывать съ тройственнымъ согласіемъ.

Что это теченіе, во главѣ котораго стояли такіе вліятельные члены партіи, какъ *Талаатъ*, *Джавидъ*, *Хуссейнъ-Джихидъ* и *Халилъ*, было въ это время довольно сильнымъ, доказывается многими фактами. Такъ, напри- мѣръ, еще въ декабрѣ 1909 года нѣмцы повели очень тонкую интригу въ турецкомъ парламентѣ противъ *Хильми-паша* за принятіе имъ проекта англичанина *Линча* объ образованіи новаго оттоманскаго общества пароходства по Тигру и Евфрату; газета *Таминъ*, органъ „Единенія и прогресса“, разоблачила нѣмецкую интригу, которая и кончилась полнымъ фіаско. Пріемъ, оказанный впослѣдствіи тому же *Хильми-пашѣ*, послѣ его паденія, во Франціи, Англии, и особенно въ Россіи, со стороны правительства и части общества (напомню о банкетѣ въ редакціи *Новаго Времени*), былъ встрѣченъ въ тѣхъ же младотурецкихъ кругахъ съ особымъ удовольствіемъ. Весьма характерно также, что русскіе участники славянскаго съѣзда въ Софіи, въ томъ числѣ предсѣдатель нашей Государственной Думы *А. И. Гучковъ*, проѣзжавшіе въ іюль 1910 года черезъ Константинополь, были сочувственно встрѣчены многими младотурецкими дѣятелями. А по поводу свиданія *Хаккы-паша* съ

Эренталемъ офиціозъ комитетъ *Танингъ* напечаталъ весьма несочувственную политикѣ Австріи и Германіи статью, вызвавшую яростную отповѣдь со стороны органа германскаго посольства *Osmanischer Lloyd*.

Такое отношеніе группы Талаата и Джавида къ тройственному согласію въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ министерства Хаккы-паши, основывалось какъ на спасительномъ страхѣ передъ мощью Россіи и Англіи, такъ и на постоянной необходимости прибѣгать къ *французскому денежному рынку*.

Правда, именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи младотурокъ вскорѣ постигло разочарованіе. Турецкое финансовое хозяйство не поправилось съ введеніемъ конституціи. Дефицитъ бюджета 1909 года составлялъ 5.460,583 лиры, т.-е. свыше сорока милліоновъ рублей, а правительственный проектъ росписи на 1910 годъ предвидѣлъ дефицитъ въ 6.800,000 лиръ, равняющіяся 58½ милліонамъ рублей. Палата же депутатовъ, сокративъ нѣкоторые доходы и увеличивъ чрезвычайные расходы, довела дефицитъ до 10½ милліоновъ турецкихъ лиръ (95 милліоновъ рублей), причемъ огромная часть расходовъ падала на армію. Поэтому, вполне понятно, что французское правительство, прежде чѣмъ допустить къ котировкѣ на парижской биржѣ новый турецкій заемъ, поставило Портѣ въ 1910 году рядъ условій, сводящихся къ установленію нѣкотораго французскаго контроля надъ турецкими финансами. Такое требованіе Франціи, отвергнутое Портою, сильно озлобило всѣ безъ исключенія младотурецкіе круги, и даже франкофильскій *Танингъ* сталъ самымъ ожесточеннымъ образомъ нападать на „меркантильную“ политику Франціи. Австрія и Германія, несмотря на свою финансовую слабость, сочли необходимымъ прійти на помощь Турціи: и турецкій заемъ въ 7 милліоновъ лиръ былъ заключенъ, безъ введенія контроля надъ турецкими финансами, у консорціума, въ которомъ должны были принять участіе 32 германскихъ и австрійскихъ банка.

Оказанная въ такой критическій моментъ услуга, конечно, сильно увеличила популярность Германіи среди младотурокъ и приобрѣла ей новыхъ сторонниковъ. Но впечатлѣніе, произведенное ловкимъ ходомъ нѣмцевъ, было вскорѣ нѣсколько ослаблено *потдамскимъ свиданіемъ*, во время котораго Германія сговорила, между прочимъ, съ Россіею о смычкѣ Багдадской дороги съ персидскими, нисколько не считаясь въ тарифномъ вопросѣ съ правами турецкаго суверенитета; заставили турокъ нѣсколько насторожиться и настойчивость Австріи въ вопросѣ о постройкѣ *Санджакской дороги* отъ Митровиць до Уваца, а также заступничество той же Австріи за возставшихъ албанцевъ. Помимо того, ярко обнаружившаяся финансовая слабость тройственнаго союза доказала всѣмъ туркамъ необходимость рано или поздно опять обратиться къ денежному рынку Франціи. А потому въ концѣ 1910 года оконча-

тельно восторжествовала политика, являющаяся равнодѣйствующей между германофильствомъ Хаккы-паши и Махмуда-Шефкета, съ одной стороны, и тяготѣніемъ къ тройственному согласію группы Талаата-Джавида—съ другой. Въ началѣ декабря 1910 года *Хаккы-паша* долженъ былъ заявить въ парламентъ, что „денежный вопросъ“ не могъ повредить исторической франко-турецкой дружбѣ и что вообще Турція желаетъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ со *всеми* великими державами; и аналогичное заявленіе министръ иностранныхъ дѣлъ Рифаатъ-паша сдѣлалъ палатѣ въ апрѣлѣ 1911 года.

Заявленія эти означаютъ, конечно, только, что Турція *официально* не примкнула къ тройственному союзу. Втайнѣ правительство весьма часто слѣдовало внушеніямъ Берлина, и если весь періодъ отъ второго министерства Хильми-паши (апрѣль 1909 года) до итальянской войны (сентябрь 1911 года) можно охарактеризовать, какъ періодъ *выжидательно-нейтралитета*, то, конечно, лишь съ оговоркою, что этотъ нейтралитетъ, хотя и съ небольшими заминками, становился все болѣе и болѣе благоприятнымъ по отношенію къ Германіи.

Итало-турецкая война поставила Германію въ весьма двусмысленное положеніе между *друзьями*—Турціею и *союзникомъ*—Италіею. Рѣшивъ, что она исполнила въ достаточной мѣрѣ свой долгъ передъ союзникомъ, позволивъ ему напасть на друга, германская дипломатія въ дальнѣйшемъ приложила всѣ старанія, дабы задобрить этого друга, предоставивъ ему весьма существенныя компенсаціи, уже за счетъ союзника. Такъ, напримѣръ, принявъ покровительство надъ итальянскими подданными въ Турціи, германское посольство согласилось на лишеніе ихъ на время войны всѣхъ капитуляціонныхъ привилегій, тогда какъ въ 1877 г. то же посольство отстаивало эти преимущества для покровительствуемыхъ имъ тогда русскихъ подданныхъ.

Несмотря, однако, на эти и другія любезности, германское вліяніе за время итальянской войны все же поколебалось. Политика министерства Хаккы-паши стала подвергаться ожесточенному осужденію. Новый великій везиръ *Саидъ-паша* высказался противъ „*политики изоляціи*“, а младотурецкая печать стала въ первый мѣсяцъ войны склоняться на сторону тройственнаго согласія и въ особенности обсуждать возможность соглашенія съ Россіей.

На этотъ разъ, однако, молодая Турція не встрѣтила, да и не могла встрѣтить особеннаго сочувствія у русскаго общественнаго мнѣнія, уже извѣрившагося въ возможность ея обновленія. Помимо того, эта война съ особенной силой дала почувствовать русскому обществу всю неестественность нашего положенія въ Черномъ морѣ и обидную зависимость нашей торговли отъ усмотрѣнія Турціи. Проливы оставались закрытыми въ началѣ войны въ теченіе нѣсколькихъ дней, а послѣ бом-

бардировки итальянцами Дарданелль—въ теченіе мѣсяца (5 апрѣля—5 мая), нанося огромные убытки нашей хлѣбной торговлѣ. Конечно, трудно было отрицать право Турціи минировать проливы для закрытія врагу доступа въ столицу Имперіи. Но это обстоятельство особенно рѣзко подчеркнуло непримиримость нашихъ и турецкихъ интересовъ въ проливахъ. Правда, нашелся турецкій журналистъ, извѣстный *Хуссейнъ-Джахидъ-бей*, имѣвшій мужество публично заявить въ своей газетѣ, что Россія должна имѣть право свободнаго прохода черезъ проливы даже для своихъ военныхъ судовъ, хотя и съ условіемъ, чтобы въ теченіе сутокъ проходило не болѣе одного судна. Но мнѣніе Джахида не встрѣтило сочувствія и навлекло на него всеобщія нареканія, и онъ съ трудомъ избѣжалъ исключенія изъ партіи.

Въ рѣчи, произнесенной 13 апрѣля 1912 года, нашъ *министръ иностранныхъ дѣлъ*, указывая на смуту въ Албани, Македоніи и на Критѣ, съ полнымъ основаніемъ сказалъ, что „положеніе дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ не можетъ считаться вполне удовлетворительнымъ“. Онъ указалъ при этомъ, что для обезпеченія Турціею внутренняго мира на своей территоріи „лучшимъ, едва ли не единственнымъ, средствомъ является внимательное и справедливое попеченіе о культурныхъ и экономическихъ нуждахъ ея разноплеменнаго христіанскаго населенія“. Эти слова нашего министра вызвали крайнее-неудовольствіе турецкой печати, усмотрѣвшей въ нихъ возвращеніе къ вмѣшательству во внутреннія турецкія дѣла. Между тѣмъ *С. Д. Сазоновъ* только подчеркнул то непремѣнное условіе нашихъ дружескихъ отношеній къ молодой Турціи, которое съ 1908 года лежало въ основаніи всей нашей политики. Критика турецкой печати только показала, что Турція 1912 года, въ отличіе отъ Турціи 1908 года, уже считала это условіе для себя стѣснительнымъ.

Если теперь вспомнить, что въ это же время обстоятельства вынудили насъ *усилить наши отряды въ Тавризъ* и другихъ пунктахъ *Азербейджана*, что не могло, конечно не волновать турецкихъ панисламистовъ, то станетъ понятнымъ, почему нѣкоторое паденіе германскаго вліянія въ Турціи не сопровождалось соотвѣтственнымъ усиленіемъ нашего.

Наконецъ, не только Россія, но и Франція и Англія, находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Италіей, не могли пріобрѣсти симпатій Порты той цѣною, которой она требовала: содѣйствіемъ ея стремленію сохранить турецкій суверенитетъ надъ Триполитанією. А потому всѣ члены тройственнаго согласія, и въ особенности Россія, къ концу войны стали обвиняться въ италофильствѣ. Такимъ образомъ, тройственному согласію не пришлось занять временно оставленныхъ германскихъ позицій, на которыя, впрочемъ, медленными, но вѣрными шагами возвращался баронъ Маршалль, не отказывая подчасъ турецкому другу въ добромъ совѣтѣ противъ итальянскаго союзника.

Къ концу итальянской войны лѣтомъ 1912 года разрѣшился и *балканскій кризисъ* такъ, какъ фатально онъ долженъ былъ разрѣшиться, въ виду упорнаго нежеланія турецкаго правительства обезпечить христіанскому населенію Македоніи хоть сколько-нибудь сносныя условія существованія. Турція очутилась передъ лицомъ грозной балканской коалиціи. Желая предупредить войну, великія державы заявили Портѣ и балканскимъ государствамъ, что возьмутъ въ свои руки осуществленіе реформъ на основаніи 23 статьи берлинскаго трактата. Переданная по этому случаю Портѣ 27 сентября 1912 года коллективная нота державъ знаменуетъ офиціальный конецъ эры невмѣшательства Европы во внутреннія дѣла Турціи и международное признаніе краха младотурецкаго режима. И эту ноту подали не только постоянные защитники христіанъ на Балканахъ—Россія, Франція и Англія,—но и тайные попутители и подстрекатели Порты—Германія и Австро-Венгрія.

Но это вмѣшательство не задержало войны. Извѣрившіяся въ помощь Европы балканскія державы предъявили *непосредственно султану* требованія самыхъ серьезныхъ гарантій, а Порта отвѣтила великимъ державамъ, что иностраннаго вмѣшательства не допуститъ и что сама проведетъ нужныя реформы.

Первые блестящіе успѣхи союзниковъ поставили *Германію* въ еще болѣе непріятное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ она находилась во время итальянской войны. Съ одной стороны, турки, разбитые *русскими* выучениками—болгарами, сербской артиллеріею отъ *Creusot*, и греками, обученными *французской* военной миссіей, вполне естественно стали роптать на нѣмецкихъ учителей и орудія Круппа. Съ другой стороны, германское общественное мнѣніе, раздраженное въ свою очередь разгромомъ безталанныхъ учениковъ прусскаго генеральнаго штаба, не проявляло, по крайней мѣрѣ въ печати, особенно рыцарскихъ чувствъ по отношенію къ побѣжденнымъ. Но этотъ непріятный для обѣихъ сторонъ моментъ быстро прошелъ. Турки, уже готовившіеся къ отъѣзду въ Азію, нѣсколько оправившись на чатаджинскихъ позиціяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно бросились въ объятія Германіи. Германія же крѣпко сомкнула эти объятія, твердо рѣшивъ на этотъ разъ не выпускать дорогого друга, а превратить Турцію въ вассальное государство.

Этотъ новый сдвигъ Турціи въ сторону нашихъ враговъ объясняется, конечно, не искусствомъ германской дипломатіи, а неумолимою логикою событій. Симпатіи державъ тройственнаго согласія, и въ особенности Россіи, всецѣло были на сторонѣ союзниковъ. То обстоятельство, что въ первые мѣсяцы войны (отъ октября 1912 года до января 1913 года) у власти находились враги младотурокъ, не могло, конечно, имѣть какого-либо значенія, въ виду обнаружившейся полной несостоятельности *всего* новаго режима и вытекающей отсюда необходимости покончить

съ турецкимъ владычествомъ надъ хрестіанами, хотя бы въ Европѣ. Поэтому державы тройственнаго согласія, и въ особенности Россія, не могли отказать союзникамъ въ дѣятельной дипломатической поддержкѣ даже въ самомъ больномъ для турецкаго самолюбія вопросѣ объ уступкѣ *Адріанополя* Болгаріи. 8 декабря 1912 года русскій министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ послу въ Константинополь: „Полагаемъ, что послѣднія пренія въ Думѣ и формула перехода къ дѣламъ, принятая Государственнымъ Совѣтомъ, не должны оставить у турокъ сомнѣній въ единодушномъ настроеніи русскаго общества“. А 2 января 1913 года С. Д. Сазоновъ телеграфировалъ императорскому послу въ Лондонъ: „Въ то же время мы считаемъ долгомъ указать Турціи возможность осложненія въ случаѣ ея упорства и ясно дать ей понять, что Турціи не на что надѣяться, ибо, даже въ случаѣ частичнаго успѣха турокъ, мы не будемъ въ состояніи остаться равнодушными къ пораженію болгаръ“. Правда, 4 января 1913 года представители *всѣхъ шести* великихъ державъ подали Портѣ коллективную ноту, въ которой совѣтовали ей согласиться на уступку Адріанополя. Но не подлежитъ сомнѣнію, что германское посольство, распускавшее среди турокъ слухи о томъ, что оно содѣйствовало смягченію этой коллективной ноты, подъ рукою поощряло Порту къ продолженію сопротивленія.

Переворотъ 10 января и возвращеніе младотурокъ къ власти, конечно, еще болѣе усилили вліяніе Германіи. Ненависть турокъ въ этотъ моментъ обратилась въ особенности противъ Франціи, которая, желая побудить Порту къ скорѣйшему заключенію мира, противилась всякимъ турецкимъ займамъ во французскихъ банкахъ. Германское посольство всячески разжигало эту ненависть противъ Франціи и ея союзницъ, разумѣется, еще усилившуюся послѣ взрыва энтузіазма, который паденіе Адріанополя (13 марта) вызвало въ странахъ тройственнаго согласія, особенно же въ Россіи. Наконецъ, въ юлѣ 1913 года, когда вторая балканская война заставила болгаръ очистить Адріанополь, и турки, несмотря на лондонскій прелиминарный миръ, стали переходить черезъ линію Эносъ—Мидія, Германія, внѣ всякаго сомнѣнія, опять играла имъ въ руку, хотя и участвовала въ официальныхъ протестахъ всѣхъ державъ противъ захвата Адріанополя.

Послѣ заключенія сепаратнаго мира съ Болгаріей Порты принуждена была, однако, вновь искать матеріальной помощи у Франціи, такъ какъ только эта страна могла ее вывести изъ почти безнадежнаго финансоваго положенія. И дѣйствительно, въ сентябрѣ 1913 года между Турціей и Франціей состоялось *предварительное соглашеніе по финансовымъ и желѣзнодорожнымъ вопросамъ*, выгодное для обонхъ государствъ. Но это обстоятельство не могло уже измѣнить курса турецкой политики. Правда, министръ финансовъ *Джавидъ-бей* осмѣлился

высказать редактору газеты *Stamboul* взглядъ, что Турція должна держаться одной Франці („с'est vers la France seule que nous pouvons nous orienter“); но германскій посоль баронъ *Вангенеймъ* немедленно пожаловался на Джавида великому везиру, а комитетъ „Единенія и прогресса“ выразилъ министру финансовъ порицаніе.

Въ томъ же 1913 году Германія выступила по очень важному для Турціи вопросу *армянскому*. Въ этомъ дѣлѣ роль защитницы Турціи отъ онасныхъ автономій осложнялась для Германіи желаніемъ пріобрѣсти симпатіи армянскаго населенія, являющагося очень сильнымъ экономическимъ факторомъ въ азіатскихъ провинціяхъ Турціи, предназначенныхъ для германской колонизаціи. Германія рѣшила поэтому вести двойную игру. Какъ извѣстно, починъ въ дѣлѣ введенія реформъ въ Арменіи взяла на себя Россія, предложивъ великимъ державамъ поручить своимъ посламъ въ Царьградѣ выработать проектъ реформъ. Германія участвовала наравнѣ съ другими въ еникейской конференціи делегатовъ посольствъ, но сдѣлала все возможное, чтобы помѣшать принятію совѣщаніемъ русскаго проекта реформъ, создававшего изъ Арменіи привилегированную провинцію по образцу Ливана и Восточной Румелии. Въ виду необходимости достиженія соглашенія между всѣми державами предварительно обращенія къ Порту, намъ пришлось сдѣлать Германіи нѣкоторыя уступки, значительно сузившія размѣры реформъ; послѣ этого русскій и германскій послы, какъ представители обѣихъ политическихъ группъ державъ, начали совмѣстное давленіе на Порту, съ цѣлью побудить ее къ принятію установленной между ними *сокращенной программы*, по которой Арменія дѣлилась на два сектора, находящіеся подъ управленіемъ генеральныхъ инспекторовъ изъ иностранцевъ.

Вскорѣ, однако, настоянія *германскаго посольства* ослабѣли, а потомъ и совершенно прекратились. Это означало, что старанія германскаго правительства привлечь на свою сторону не только турецкихъ палачей, но и терзаемыхъ ими армянъ, потерпѣли у послѣднихъ полнѣйшее фіаско. Весь довольно наивный расчетъ германской дипломатіи заключался въ томъ, что Порта будетъ ей благодарна за сокращеніе реформъ, а армяне за ихъ допущеніе, хотя бы и въ сокращенномъ размѣрѣ. Между тѣмъ, саботажъ русскаго проекта вызвалъ среди турецкихъ армянъ живѣйшее негодование противъ Германіи. Выписанный изъ Берлина нѣмецкій арменологъ, докторъ *Лепсіусъ*, не смогъ побороть этого настроенія армянскаго общества, хотя онъ и старался соблазнить армянъ обѣщаніемъ открытія въ Турціи армянскихъ школъ за счетъ германскаго правительства, а также перспективой перехода командованія надъ вооруженными силами Оттоманской имперіи къ нѣмецкимъ офицерамъ; эта послѣдняя реформа, по мнѣнію почтеннаго доктора, должна была *сполнить* обезпечить личную и имущественную неприкосновенность армянъ.

Видя неуспѣхъ своихъ заигрываній, Германія заняла въ концѣ переговоровъ рѣзко враждебную позицію по отношенію къ армянамъ. Такимъ образомъ, обязательство обратиться къ державамъ съ заранѣе установленнымъ проектомъ реформъ Турція приняла на себя, актомъ 26 января 1914 года, по отношенію къ одной Россіи.

Огромное значеніе акта 26 января для Россіи заключается въ томъ, что онъ содержитъ *официальное признаніе Портою русскаго покровительства надъ турецкими армянами*, т.-е. отъ 61 статьи берлинскаго трактата вновь привелъ насъ къ 16 статьѣ санъ-стефанскаго. Немного раньше, 4/17 ноября 1913 года, послѣ долгихъ переговоровъ, подписанъ былъ въ Константинополѣ *турецко-персидскій протоколъ разграниченія*, въ которомъ восторжествовала русско-англійская точка зрѣнія, т.-е. была закрѣплена граница, фактически существовавшая до 1905 г., когда начались турецкіе захваты. Такимъ образомъ, наша дипломатія одержала два крупныхъ успѣха въ эпоху очень сильнаго германскаго вліянія въ Константинополѣ. Конечно, съ этими побѣдами Германія примирилась только потому, что еще не вполне была готова къ войнѣ съ нами и недостаточно подготовила къ ней турокъ. Зато она немедленно взялась за эту подготовку.

Въ ноябрѣ 1913 года *военная миссія генерала Лимана фонъ-Сандерса* прочно утвердилась на берегахъ Босфора, и хотя, въ виду протестовъ тройственнаго согласія, генераль-Сандерсъ и былъ черезъ нѣкоторое время отставленъ отъ командованія константинопольскимъ корпусомъ, все же онъ остался фактическимъ руководителемъ арміи, и вліяніе его еще болѣе возросло послѣ назначенія военнымъ министромъ Энвера-паши, яраго германофила.

Я позволю себѣ высказать, какъ личное мнѣніе, что съ самаго момента появленія миссіи Сандерса, если не ранѣе, большинство вліятельныхъ младотурокъ, и особенно военные, рѣшили въ грядущемъ мировомъ конфликтѣ стать на сторону Германіи, дабы смыть съ себя позоръ балканскихъ пораженій. Попытки ихъ по-старому играть въ дружбу со *всеми* державами пріобрѣтали все болѣе характеръ недостойныхъ и прозрачныхъ комедій. Подъ шумокъ сладкихъ рѣчей, раздававшихся въ *комитетахъ сближенія*, русско-турецкомъ, франко-турецкомъ, итало-турецкомъ и иныхъ—младотурки рѣзали христіанскихъ своихъ подданныхъ—грековъ и славянъ—и готовились при помощи своихъ нѣмецкихъ учителей къ реваншу. А реваншъ имъ былъ обѣщанъ соблазнительный, и врядъ ли мы ошибемся, предположивъ, что въ про-

1) Благодаря энергіи русскаго члена разграничительной комиссіи *В. Ф. Миморскаго* и англійскаго—*Wratislaw*, проведеніе границы на мѣстахъ было закончено до начала русско-турецкой войны, такъ что эта новая граница можетъ служить основой при будущихъ мирныхъ переговорахъ.

грамму входило торжественное вступленіе въ Тифлисъ и присоединеніе къ Турціи Кавказа.

Тѣмъ не менѣе, когда разразилась война между Россіей и Германіей, инстинктъ самосохраненія подсказалъ младотурецкимъ шовинистамъ нѣкоторую осторожность. Они рѣшили занять до поры до времени свою излюбленную позицію „псевдо-нейтралитета“ и въ ожиданіи рѣшительныхъ побѣдъ Германіи готовиться къ вступленію въ войну при наиболѣе выгодныхъ для себя обстоятельствахъ.

Къ такой осторожности побуждало ихъ, конечно, также ужасное состояніе турецкихъ финансовъ.

Еще въ январѣ 1914 г. одинъ *англійскій финансистъ*, очень свѣдущій въ турецкихъ дѣлахъ, констатировалъ наличие финансоваго кризиса, вызывающаго въ свою очередь кризисъ административный. Предполагаемый дефицитъ бюджета 1914 года этотъ финансистъ опредѣляетъ въ 12.000,000 тур. фунтовъ. Правительство, — говоритъ онъ, — какъ въ худшія времена Абдуль-Хамида, старается спастись отъ банкротства осужденіемъ на голодовку своихъ офицеровъ и чиновниковъ, остающихся опять въ теченіе мѣсяцевъ безъ жалованья. До сихъ поръ Турціи, путемъ заключенія разорительныхъ займовъ и постояннаго увеличенія налогового бремени, удавалось перебиваться со дня на день и уплачивать проценты по своимъ обязательствамъ. Теперь же, — заключаетъ англичанинъ, — повидимому, достигнутъ крайній предѣлъ и возможна полная остановка государственной машины.

Въ теченіе первой половины 1914 года министръ финансовъ Джавидъ-бей употребилъ всѣ старанія, чтобы убѣдить великія державы заключить съ Турціей соглашенія, подобныя достигнутому уже съ Франціей, которыя позволили бы Портъ повысить таможенные пошлины до 15% и ввести монополіи. Добиться этого ему, однако, не удалось. Джавидъ-бей заключилъ зато во Франціи заемъ, часть котораго Турціи успѣла даже реализовать до войны.

Финансы турецкіе отъ этого, однако, мало поправились. Въ концѣ сентября 1914 года, т.-е. передъ самымъ началомъ кризиса, упомянутый уже англичанинъ, близко стоящій къ турецкимъ финансамъ, констатировалъ, что, несмотря на заемъ во Франціи, всѣ источники страны изсякли; земледѣліе въ полномъ упадкѣ; населеніе изнываетъ подъ налогами; доходы Dette Publique за августъ понизились на 350,000 лиръ, доходы таможенъ — на 300,000. Казна не можетъ обезпечить правильную работу органовъ администраціи...

При такомъ состояніи государственной казны искренность желанія большинства турокъ остаться на нѣкоторое время въ сторонѣ отъ мірового конфликта не возбуждала сомнѣній.

Однако турокъ предполагаетъ, а нѣмецъ располагаетъ.

Какъ извѣстно, Порта, послѣ торжественныхъ заявленій о своемъ нейтралитетѣ, стала его самымъ циничнымъ образомъ нарушать въ пользу Германіи. „Гебень“ и „Бреслау“, впущенные въ Дарданеллы, не только не были разоружены, но введены въ составъ турецкаго флота, причемъ, несмотря на „честное слово“ морского министра русскому послу, германскій экипажъ не былъ удаленъ, а, наоборотъ, пополненъ матросами изъ Германіи. Порта увѣряла, что *купила* эти суда, на что, впрочемъ, по дѣйствующимъ международнымъ началамъ, во время войны не имѣла никакого права; но даже это завѣреніе оказалось ложью: не кто иной, какъ германскій статсъ-секретарь Яговъ заявилъ греческому посланнику въ Берлинѣ, что продажа, въ дѣйствительности, никогда не состоялась.—Со времени появленія въ Дарданеллахъ „Гебена“ и „Бреслау“ „нейтральныя“ турецкія территоріальныя воды съ каждымъ днемъ все болѣе превращались въ базу для военно-морскихъ германскихъ операций. Уже въ день своего появленія нѣмецкія суда подвергли осмотру французскія и англійскія суда, стоявшія въ Дарданеллахъ. Затѣмъ „Бреслау“ ходилъ въ румынскіе и болгарскіе порты и приводилъ оттуда, подъ *оттоманскимъ* флагомъ, застрявшія германскія торговыя суда, которыя, по прибытіи въ Босфоръ, поднимали опять флагъ *германскій*. Посреди Босфора, у Бейкоса, стояло германское торговое судно „Корковадо“, снабженное радіотелеграфомъ и служившее посредникомъ между германскимъ адмираломъ Сюшономъ и Берлиномъ; мало того, при германскомъ посольствѣ было образовано особое управленіе „Etappen-Kommando“, которое тутъ же, въ нейтральномъ Босфорѣ, реквизиовало въ пользу германскаго правительства оказавшіеся на нѣмецкихъ пароходахъ русскіе, французскіе и англійскіе грузы, въ чемъ и выдавало расписки.

Въ то же время изъ Германіи и Австріи, черезъ каналы нейтральныхъ и дружественныхъ намъ странъ *Румыніи* и *Болгаріи*, въ Константинополь шелъ непрерывный токъ личныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ враговъ—прибывали германскіе офицеры и солдаты, орудія, мины, снаряды и припасы. Скоро весь Константинополь оказался фактически въ рукахъ нѣмецкихъ офицеровъ. Германская команда завучала на босфорскихъ и дарданельскихъ укрѣпленіяхъ, и вся армія и весь флотъ Оттоманской имперіи подчинились германской указкѣ. Словомъ, то, что Германіи не удалось въ *Бельгії*, удалось ей въ *Турціи*: она захватила *безъ сопротивленія* часть нейтральнаго государства, вмѣстѣ съ его столицей.

Исторія засвидѣтельствуетъ, что *державы тройственнаго согласія*, несмотря на такое вызывающее поведеніе Турціи, *дѣлали все отъ нихъ зависящее*, чтобы удержать ее отъ рокового шага объявленія войны; и это, несмотря на то, что совершенно обнаглѣвшіе подъ вліяніемъ сво-

них нѣмецкихъ союзниковъ турки стали подвергать всяческимъ насиліямъ подданныхъ Россіи, Франціи и Англии, реквизиовать ихъ имущество на военныя нужды, а иногда и заключать ихъ безъ всякаго повода въ тюрьму. Съ одной стороны, противъ всѣхъ нарушеній нейтралитета посольства согласія выступали съ болѣе или менѣе рѣзкими протестами, предупреждая турокъ, что они рискуютъ своимъ существованіемъ. Съ другой стороны, державы согласія пошли навстрѣчу желанію, выраженному болѣе умѣренными членами кабинета, и выразили согласіе на отмѣну экономическихъ капитуляцій, а также юридическихъ, при условіяхъ введенія болѣе современной судебной организаціи и соблюденія Турціей въ будущемъ дѣйствительнаго нейтралитета, который выразился бы прежде всего въ удаленіи нѣмецкихъ экипажей „Гебена“ и „Бреслау“. Державы согласія обязывались даже дать *письменную гарантію неприкосновенности и независимости Турціи* ¹⁾.

Въ турецкомъ кабинетѣ восторжествовало, однако, крайнее теченіе, и нотою 27 августа Порты извѣстила посольства объ односторонней отмѣнѣ ею капитуляцій, какъ юридическихъ, такъ и экономическихъ. Эта нота вызвала протестъ всѣхъ посольствъ, даже германскаго и австрійскаго; впрочемъ, участвуя въ протестахъ, эти послѣднія руководились, конечно, лишь цѣлью усыпить подозрѣніе, что незаконная мѣра Порты внушена ими; въ слѣдующемъ протестъ они уже не участвовали. Войдя во вкусъ, Порты закрыла затѣмъ иностранныя почты и международный санитарный совѣтъ. Тѣмъ не менѣе державы согласія продолжали свою миролюбивую политику; когда Порты поняла, что одностороннимъ своимъ актомъ не достигнетъ своей цѣли, и предложила державамъ согласія начать переговоры,—послѣднія отъ нихъ не отказались и продолжали ихъ вплоть до самаго разрыва.

Такое поведеніе державъ тройственнаго согласія диктовалось имъ, конечно, не столько желаніемъ спасти Турцію отъ гибели, сколько стремленіемъ не имѣть лишняго, хотя и не особенно страшнаго, противника. Во всякомъ случаѣ, турецкіе временщики совершили тяжкое преступленіе противъ своей родины, когда отказались отъ предложенной имъ тройственнымъ согласіемъ гарантіи цѣлости и независимости Турціи. Я не могу не привести здѣсь ядовитыхъ словъ англійскаго посла сэра Люиса Маллета, сказанныхъ по этому поводу *Талаату-бею*: „Я слышалъ, что турецкое правительство не придаетъ значенія письменной деклараціи, которую я, мои французскій и русскій коллеги сдѣлали ему относительно его неприкосновенности. Я былъ очень удивленъ этимъ поведеніемъ, но лично почувствовалъ нѣкоторое облегченіе; ибо

¹⁾ Подробности объ этихъ переговорахъ можно найти въ русской „Оранжевой“ и англійской „Синей“ книгахъ, касающихся періода, предшествовавшаго войнѣ съ Турціею.

гарантія неприкосновенности и независимости Турціи равносильна ручательству за жизнь человѣка, рѣшившаго покончить съ собою¹⁾.

Но кому же принадлежала въ это время *власть* въ столицѣхъ Оттоманской имперіи?

Не *султану*, конечно, этому одряхлѣвшему въ 33-лѣтнемъ заточеніи, добродушному и безвольному старцу. Не *парламенту*, въ это время не засѣдавшему, да и вообще потерявшему всякое значеніе. Не главѣ правительства, великому везиру *принцу Саиду Халиму-пашѣ*. Вся роль этого пустого, тщеславнаго и слабаго человѣка сводилась къ дачѣ посламъ тройственнаго согласія, можетъ быть, и искреннихъ общаній миролюбиваго характера, которыя нарушались затѣмъ *Эверомъ* и нѣмцами. Роль поистинѣ трагическая. Въ англійской синей книгѣ можно прочесть, какія горькія истины почтенному египетскому принцу приходилось выслушивать отъ пословъ согласія и, въ частности, отъ *сэра Люиса Маллета*, неоднократно доказывавшаго ему, что Константинополь и окрестности превратились въ германскій военный лагерь, и что онъ, Саидъ Халимъ, не оказываетъ никакого вліянія на ходъ событій. Тѣ же сцены происходили между великимъ везиремъ и другими послами согласія. Бѣдный принцъ багровѣлъ, сердился, грозно заявлялъ, что настоящимъ хозяиномъ Турціи является онъ, и что онъ не допуститъ войны, но этимъ все и ограничивалось. Я думаю, что Саиду Халиму, дѣйствительно не желавшему войны съ нами, нельзя даже приписать заслуги ея задержанія. Онъ слишкомъ дорожилъ своимъ положеніемъ, чтобы рѣзко выступить противъ партіи войны. А по объявленіи ея онъ остался даже у дѣлъ, въ противность министру финансовъ *Джавиду-бейу*.

Власть не находилась также въ рукахъ комитета „Единенія и прогресса“, по крайней мѣрѣ, со дня мобилизаціи. Да и ранѣе еще, судя по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, главари партіи — *Эверъ, Талаатъ, Джемаль, Халимъ* не всегда считали нужнымъ посвящать Комитетъ во всѣ тайны своей политики. *Олигархія* нѣсколькихъ сотъ комитетскихъ дѣятелей въ столицѣхъ и провинціи смѣнялась мало-по-малу *олигархіей нѣсколькихъ лицъ*. Военный министръ и генералиссимусъ *Эверъ-паша*, министръ внутреннихъ дѣлъ *Талаатъ-бей*, морской министръ *Джемаль-паша*, предсѣдатель палаты депутатовъ *Халимъ-бей*, министръ финансовъ *Джавидъ-бей* — вотъ главные турецкія дѣйствующія лица трагедіи Оттоманской имперіи. Посланнику въ Софіи *Фехми-бейу*, послу въ Берлинѣ *Махмуду-Мугтару-пашѣ*, генеральному секретарю „Единенія и прогресса“ *Мидхадю-Шукри* исторія отведетъ только второстепенныя мѣста, какъ и гремѣвшимъ ранѣе комитетскимъ дѣятелямъ, доктору *Назиму, Хуссейну Джахиду, Эюбу Сабри*.

¹⁾ *Blue Book*, Events leading to the rupture of relations with Turkey (1914), № 64.

Изъ упомянутых мною *пяти лицъ* министр финансовъ *Джавидъ-бей* одинъ обладалъ, быть можетъ, нѣкоторыми качествами государственнаго человѣка и могъ сознать, какимъ ужаснымъ опасностямъ подвергается его отечество война съ тройственнымъ соглашемъ. Подписавъ еще недавно въ Парижѣ финансовое и желѣзнодорожное соглашеніе съ Франціей, выгодное для обѣихъ сторонъ, *Джавидъ-бей* не могъ желать войны съ Республикой, безъ финансоваго содѣйствія которой Турціи грозило неминуемое банкротство. Мнѣ хотѣлось бы также вѣрить, что изъ сердца министра финансовъ не изгладилось воспоминаніе о той апрѣльской ночи 1909 года, когда члены російскаго посольства въ Царьградѣ спасли ему жизнь, проведя его съ личной для себя опасностью черезъ караулы возставшихъ противъ младотурокъ солдатъ на посольскую яхту „Колхида“, стоящую въ Босфорѣ. Какъ бы то ни было, *Джавидъ-бей* казался самымъ убѣжденнымъ представителемъ того умереннаго теченія, которое хотѣло использовать моментъ исключительно для сверженія капитуляціоннаго ига. Но политическое вліяніе *Джавида* было въ это время невелико. Правда, его связывала дружба съ *Талаатомъ*. Но *Энверъ*, *Джемаль* и *Халиль* его недолюбливали, а нѣмцы дѣлали все, чтобы его дискредитировать, какъ франкофила. Во всякомъ случаѣ, старанія, приложенныя *Джавидомъ*, по его словамъ, къ сохраненію мира, не увѣнчались успѣхомъ; въ пользу же искренности министра финансовъ нужно привести то обстоятельство, что послѣ разбойническаго набѣга турецко-германскаго флота на наше побережье, онъ немедленно подалъ въ отставку.

Что касается предсѣдателя палаты депутатовъ *Халиль-бея*, то онъ сыгралъ въ разсматриваемъ кризисѣ болѣе чѣмъ подозрительную роль. Въ качествѣ бывшаго адвоката въ Смирнѣ, прослушавшаго нѣсколько юридическихъ лекцій во Франціи, *Халиль-бей* безъ труда стяжалъ себѣ среди младотурокъ славу выдающагося юриста. Поэтому, на него и была возложена миссія вести съ посольствами переговоры объ условіяхъ, на которыхъ державы согласились бы признать отмѣну капитуляцій. Обѣщавъ посольствамъ, что онъ выработаетъ такой *статутъ иностранцевъ*, который вполнѣ обезпечивалъ бы ихъ положеніе, и что до его выработки законъ объ отмѣнѣ юридическихъ капитуляцій не будетъ примѣняться, *Халиль* не сдержалъ ни того, ни другаго обѣщанія. Судебныя капитуляціи были фактически отмѣнены, а представленный *Халилемъ* проектъ *статута иностранцевъ* только подтверждалъ полное ихъ подчиненіе турецкимъ законамъ, оставляя за ними лишь нѣкоторыя привилегіи въ области брачнаго, семейнаго и наследственнаго права. Можно поэтому думать, что миссія *Халиля* заключалась просто въ затягиваніи переговоровъ, во время которыхъ турки производили ликвидацію капитуляціоннаго режима. Во всякомъ случаѣ, по очень хоро-

шимъ свѣдѣніямъ, Халиль-бей въ послѣдніе дни кризиса былъ безусловно *за* войну съ тройственнымъ согласіемъ и, повидимому, участвовалъ въ совѣщаніяхъ у барона Вангенгейма. Предсѣдатель палаты, въ противоположность Джавиду, рѣшилъ, очевидно, плыть по германскому теченію и, должно быть, при переговорахъ съ нѣмцами, служилъ юридическимъ совѣтникомъ тремъ главнымъ турецкимъ временщикамъ— *Энверу, Талаату и Джемалю.*

Изъ этихъ послѣднихъ *морской министр Джемаль-паша*, пѣхотный генералъ, бывшій багдадскимъ валіемъ при Абдуль-Хамидѣ, совершенно не принадлежалъ къ плеядѣ младотурокъ формаци Талаата и Энвера. Во время балканской войны Джемаль-паша выдѣлился своей храбростью. Назначенный затѣмъ военнымъ губернаторомъ Константинополя, онъ обнаружилъ, какъ я уже указывалъ, большія дарованія въ области сыска, а послѣ убійства Махмуда Шефкета-паши ввелъ режимъ террора, сдѣлавшій почти невозможными всякія дальнѣйшія покушенія противъ младотурецкаго режима. Добившись, наконецъ, портфеля морского министра, Джемаль-паша попытался занять независимую позицію и по отношенію къ Энверу, и по отношенію къ Талаату.

Роль Джемалю-паши во время кризиса объясняется исключительно оппортунистическими побужденіями. Уже изъ-за оппозиціи Энверу Джемаль-паша задолго до войны подчеркивалъ свое франкофильство, внѣшнія проявленія котораго усилились послѣ блестящаго приѣма, оказаннаго ему во время его путешествія во Франціи. Въ началѣ кризиса Джемаль, покуда это было возможно, старался поддержать въ посллахъ согласія иллюзію, что онъ на ихъ сторонѣ. Можетъ быть, онъ и былъ искрененъ, когда давалъ свои обѣщанія и даже честное слово, что нѣмцы будутъ удалены съ „Гебена“ и „Бреслау“. Но, увидавъ свое безсиліе побороть германофильское теченіе, Джемаль-паша очень быстро перешелъ на сторону нѣмцевъ, отложивъ борьбу съ Энверомъ до болѣе удобнаго момента. При этомъ онъ обнаружилъ еще новый, очень недюжинный талантъ *комедiantа.* Вечеромъ 16 октября онъ игралъ въ Константинопольскомъ клубѣ въ карты, когда ему сообщили о нападеніи турецкаго флота на Одессу. Морской министръ выказалъ необычайное изумленіе и волненіе, которому повѣрилъ весь городъ. А между тѣмъ онъ *участвовалъ* въ знаменитомъ совѣщаніи 28 сентября у барона Вангенгейма, на которомъ Турція обязалась къ немедленному выступленію.

Министра внутреннихъ дѣлъ *Талаата-бей* нужно, конечно, признать *самой* крупной фигурой младотурецкой эпохи. Талаату, а не Энверу по праву принадлежитъ титулъ „героя свободы“, конечно, младотурецкой. Обладая весьма скуднымъ образованіемъ и занимая постъ мелкаго чиновника телеграфнаго вѣдомства въ Салонкахъ, *Талаатъ*, благодаря живому природному уму и совершенно исключительной энергіи, сумѣлъ,

за послѣдніе годы царствованія Абдуль-Хаида, слѣдаться душою революціоннаго движенія въ Македоніи. И впослѣдствіи господство младотурецкой партіи надъ страной поддерживалось въ значительной степени организаторскими способностями и желѣзной рукою Талаата. Это чистѣйшій типъ карбонарія, и на министерскомъ посту продолжающаго раздѣлять идеологию атамановъ бандъ въ вопросахъ быстрого и радикальнаго устраненія политическихъ противниковъ. Не такъ еще давно, на просьбу освободить арестованнаго политическаго врага министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ съ очаровательной улыбкой: „Restituer—non, tuer—oui!“

Какъ почти всѣ его товарищи, Талаатъ очень скоро изъ либерала, мечтающаго о равноправіи всѣхъ оттоманскихъ народностей, превратился въ турецкаго якобинца. Въ этомъ его большая вина передъ *Оттоманской имперіей*. Но свой *турецкій* народъ Талаатъ любилъ, и его *внѣшнюю* политику я не рѣшаюсь объяснять корыстными или иными личными побужденіями.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ младотурецкаго режима Талаатъ полагалъ, что интересы Турціи требуютъ сближенія съ тройственнымъ соглашеніемъ. Когда Турція сочла нужнымъ взять рѣзко націоналистическій курсъ и такое сближеніе оказалось уже невозможнымъ, Талаатъ долженъ былъ опереться на пѣмцевъ. Все же, на мой скромный взглядъ, онъ никогда не былъ сторонникомъ формальнаго союза съ Германіей, а стоялъ за политику свободныхъ рукъ. Во время же послѣдняго кризиса онъ былъ, повидимому, единомышленникомъ Джавида и желалъ держаться до поры, до времени выжидательнаго нейтралитета, извлекая изъ него всевозможныя выгоды, какъ-то отгѣну юридическихъ и экономическихъ капитуляцій.

И тѣмъ не менѣе, Талаатъ, несомнѣнно, присутствовалъ на историческомъ засѣданіи у барона *Ватенейма*, рѣшившаго участь Турціи. Я думаю, что онъ далъ свое согласіе на войну съ Россіей, скрѣпя сердце и съ дурными предчувствіями. Правда, Талаатъ—большой шовинистъ, панисламистъ и жаждетъ реванша за балканскую войну; но онъ изъ тѣхъ турокъ, которые чувствуютъ мощь Россіи. Онъ бы предпочелъ напасть на нее лишь въ случаѣ ея пораженія Германіей. Помѣшать преждевременной войнѣ онъ, однако, не могъ. Со дня мобилизаціи вся власть фактически перешла къ генералиссимусу Энверу, и гражданскій диктаторъ, не желая уходить съ арены, склонилъ временно главу перedy военнымъ.

Я перехожу теперь къ самому роковому для Турціи члену невольню создавашагося триумвирата—*Энверу*.

Въ 1908 году никому неизвѣстный 26-лѣтній поручикъ, какъ и большинство его товарищей по македонской арміи, принадлежалъ къ

младотурецкой революціонной организаціи. Счастливый случай помогъ ему выдвинуться. Въ качествѣ адъютанта генеральнаго инспектора Хуссейна Хильми-паши онъ узналъ о раскрытіи заговора и потому, не теряя времени, ушелъ съ горстью солдатъ въ горы, первый поднялъ знамя возстанія и начерталъ на немъ свое имя. Трудно сказать, до какой высоты вынесли бы молодого Энвера-бея волны народнаго энтузіазма, если бы онъ въ то время вступилъ въ Константинополь. Но самъ ли онъ былъ тогда еще слишкомъ скромнень, или комитетъ „Единенія и прогресса“ воспротивился этому, но Энверъ не получилъ триумфа въ Новомъ Римѣ. Въмѣсто этого, онъ отправился въ Берлинъ въ качествѣ военнаго агента, очень кстати для кесаря Вильгельма, который, конечно, приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы обворожить молодого турецкаго офицера, возставшаго противъ своего государя, стараго Вильгельмова друга—султана Абдула-Хамида. Впрочемъ, на этотъ разъ въ Германіи Энверу пришлось остаться недолго. При первой вѣсти о реакціонномъ переворотѣ 31 марта 1909 года онъ бросился въ Салонники, вмѣстѣ съ арміею Махмуда-Шефкета-паши вступилъ 13 апрѣля въ Константинополь, отличился при взятіи казармъ, занятыхъ мятежными солдатами, и такимъ образомъ оказалъ дѣлу свободы нѣсколько болѣе существенныя услуги, чѣмъ въ 1908 году. Нужно думать, что въ эти бурныя стамбульскіе дни въ головѣ Энвера и зародилась *наполеоновская мечта*. Развѣ не онъ спасъ конвентъ, т.-е. комитетъ? Но младотурки не вполне раздѣляли этотъ взглядъ; Махмудъ-Шефкетъ на время затмилъ молодого честолюбца, и 13 апрѣля 1909 года не имѣло для Энвера тѣхъ послѣдствій, которыя 13 Vendémiaire 1795 года имѣло для Бонапарта; „герой свободы“ послѣ изложенія султана Абдула-Хамида вернулся въ Берлинъ военнымъ агентомъ при „священной“ особѣ германскаго императора.

Итальянская война открыла кандидату въ турецкіе Наполеоны новыя перспективы. Конечно, защита Триполитаніи не покрыла Энвера неуваждаемою славою, увѣнчавшею Наполеона въ Египтѣ. Все же нельзя отрицать, что Энверъ былъ душою этой защиты, окружившей его имя ореоломъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Когда началась война съ балканской коалиціею, Энверъ, слѣдуя все тому же знаменитому образцу, поспѣшилъ на родину. Можно даже провести аналогію между переворотомъ 19 брюмера 1799 года, устранившимъ Директорію, и переворотомъ 10 января 1913 года, кончившимся паденіемъ кабинета Кямяля-паши,—хотя переворотъ 19 брюмера и прошелъ безъ убійства военнаго министра своимъ подчиненнымъ. Но на этомъ аналогія останавливается. За *турецкимъ* переворотомъ не послѣдовало битвы при Маренго, а только безкровное занятіе Адрианополя, оставленнаго болгарами. Однако, и на этотъ разъ судьба наградила Энвера превыше заслугъ.

Турецкая армія и народъ нуждались хотя бы въ призракъ побѣды и охотно приписали занятіе Адрианополя доблести и генію національнаго героя—Энвера-бея. И уже въ декабрь того же 1913 года 32-лѣтній Энверь-паша былъ назначенъ военнымъ министромъ Турецкой имперіи.

Изъ этой краткой біографіи Энвера легко убѣдиться въ томъ, что наполеоновскаго въ немъ мало. Это просто счастливый авантюристъ, храбрый, жестокій по-прусски, безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, безъ малѣйшихъ проблесковъ генія. Но для исторіи турецкаго кризиса очень важно, что Энверь, несомнѣнно, считалъ себя лѣтомъ 1914 года, по крайней мѣрѣ, *первымъ консуломъ*. Слабый, дряхлый султанъ въ счетъ, конечно, не шелъ; къ тому же Энверь породнился съ нимъ, женившись на принцессѣ императорскаго дома.

Въ моментъ турецкой мобилизациі Энверь-паша былъ несомнѣнно *фактическимъ властелиномъ Турціи*. Послѣ террора, введеннаго Джемалемъ, враги младотурокъ или исчезли, или притаились. Онъ могъ поэтому мечтать объ осуществленіи самыхъ честолюбивыхъ своихъ замысловъ, а разразившаяся европейская война должна была казаться ему самымъ подходящимъ для этого случаемъ. Проникшись духомъ германскаго милитаризма, Энверь слѣпо вѣрилъ въ побѣду Германіи и въ возможность осуществить съ ея помощью всѣ мечты пантюркизма и панисламизма. Поэтому онъ явился самымъ горячимъ пособникомъ барона *Ванштейна* въ дѣлѣ вовлеченія Турціи въ войну съ тройственнымъ согласіемъ.

Со своей стороны, нѣмцы хотя и вполне полагались на преданность Энвера, все же приняли мѣры къ занятію въ Константинополь такого положенія, которое гарантировало бы ихъ отъ всякихъ, возможныхъ въ столь смутное время, случайностей. Нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ не могли, конечно, прочно обосновать нѣмецкое господство въ столицѣ Оттоманской имперіи; но присутствіе „Гебена“ и „Бреслау“ сразу измѣнило положеніе и сильно подвинуло „египтизацію“ Турціи: будучи сильнѣе всего турецкаго флота, эти суда могли въ два часа превратить Константинополь въ груды развалинъ. Германскій посоль баронъ *Ванштейнъ* со свойственнымъ ему грубымъ цинизмомъ не замедлил подчеркнуть создавшееся положеніе. Не желая насъ раздражать, турецкій совѣтъ министровъ въ первыхъ числахъ сентября рѣшилъ не посылать флота въ Черное море. Это нисколько не помѣшало германскому послу чуть ли не ежедневно отправлять туда эти суда; великому же везірю онъ сообщилъ, „что германскія суда лишь до известной степени подчинены туркамъ и что они предназначены служить не только турецкимъ, но главнымъ образомъ германскимъ интересамъ“.

Мнѣ остается теперь отвѣтить на вопросъ, почему *Тасалатъ*, *Джемаль* или какой-либо патріотъ-офицеръ не организовали избіенія нѣм-

цевъ вродѣ *Сицилійской вечера или Варволомесовой ночи*? Не подлежить, конечно, сомнѣнію, что Талаатъ не остановился бы передъ устраненіемъ Энвера, если бы счелъ это нужнымъ для достиженія патриотической цѣли, какъ въ свое время онъ, по соглашенію съ Энверомъ, не задумался устранить военнаго министра Назима-пашу. Точно также Талаатъ или Джемаль не постѣснялись бы перебить забравшихся въ Константинополь нѣмцевъ, если бы того требовали обстоятельства. Но положеніе было таково, что движеніе противъ Энвера и Германіи не встрѣтило бы единодушнаго сочувствія среди турецкаго офицерства, хорошо обработаннаго нѣмецкими офицерами и другими агентами и вводимаго ежедневно въ заблужденіе ложными извѣстіями о блестящихъ германскихъ побѣдахъ, усердно распространяемыми закупленной нѣмцами турецкой прессой. ¹⁾ Въ лучшемъ для заговорщиковъ случаѣ нападеніе на Энвера и нѣмецкихъ офицеровъ повело бы къ междоусобной войнѣ, исходъ которой былъ неизвѣстенъ, и первыми вѣроятными жертвами которой оказались бы и Талаатъ, и Джемаль. Поэтому странный триумvirатъ не распался, и на историческомъ засѣданіи 28 сентября 1914 года въ германскомъ посольствѣ всѣ трое отдали Турцію Германіи, двое, можетъ быть, безсознательно и съ заднею мыслью нарушить договоръ при первомъ удобномъ случаѣ, а Энверъ — вполнѣ сознательно и съ полной вѣрою въ гениальность своей политики. Такимъ образомъ, на такъ называемаго „героя свободы“ падаетъ самая тяжкая отвѣтственность за гибель его родины.

III.

Трагедія турецкаго народа.

Отъ всей исторіи молодой Турціи вѣетъ глубокимъ трагизмомъ. Поднявъ знамя борьбы противъ деспотизма Абдуль-Хамида, младотурки подчинили свою родину сначала яacobинскому клубу — комитету партіи „Единенія и прогресса“, а въ концѣ-концовъ — тираніи Энвера. Заду-

¹⁾ По свѣдѣніямъ нашего посольства турецкія газеты получали въ это время отъ Германіи и Австріи субсидіи въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Названіе газетъ.	Суммы, получаемыя отъ Германіи, въ тур. фунгахъ.	Суммы, получаемыя отъ Австріи, въ тур. фунгахъ.
<i>Ихдамъ</i>	2,500	1,000
<i>Сабахъ</i>	2,000	1,000
<i>Тамимъ</i>	2,000	1,000
<i>Тасфири Эфкаръ</i>	2,000	500
<i>Терджуманъ</i>	500	500

(См. русскую Оранжевую книгу, № 53).

мавъ превратить Турцію изъ мусульманской теократіи въ правовое государство, они не сняли съ нея путь шеріата, ударились въ самый опасный панисламизмъ и не ввели хоть сколько-нибудь серьезныхъ реформъ въ судъ и управленіе. Написавъ на своемъ стягѣ „оттоманизмъ“, они довели до отчаянія всѣ иноплеменные народности, а нѣкоторыя и до возстанія.

А между тѣмъ, въ первые мѣсяцы младотурецкой революціи можно было ожидать иного исхода. И, право, Европа, и въ частности Россія не должны сожалѣть о томъ, что онѣ дали младотуркамъ срокъ для доказательства своего права на самостоятельное существованіе. Такъ лучше. Исторія не скажетъ теперь, что турецкому народу за грѣхи его султановъ не была дана возможность доказать міру свою жизнеспособность.

Да, въ первые дни и мѣсяцы младотурецкіе порывы были прекрасны. Нельзя было сомнѣваться въ горячемъ патриотизмѣ молодыхъ турецкихъ офицеровъ, нельзя было не вѣрить въ искренность младотурецкихъ вождей. Историкъ это признаетъ. Но онъ долженъ будетъ также признать, что этотъ расцвѣтъ турецкой общественной жизни продолжался очень недолго—всего нѣсколько мѣсяцевъ—и закончился послѣ пораженія реакціи въ апрѣлѣ 1909 г. Произошло очень любопытное явленіе. Младотурки сокрушили реакцію и Абдуль-Хамида, но, вмѣсто того чтобы использовать побѣду въ духѣ права и правды, постепенно измѣнили всѣмъ своимъ идеаламъ.

Мнѣ кажется, что всѣ сложныя причины этой прискорбной эволюціи младотурокъ могутъ быть сведены къ одной главной: младотурки не выдвинули ни одной дѣйствительно крупной, не говоря уже *великой*, фигуры, а между тѣмъ для спасенія Турціи нужны были гений и желѣзная воля Петра Великаго. Какъ только реакціонный переворотъ 31 марта 1909 года показалъ младотуркамъ, что между ними и народомъ лежитъ пропасть, они оставили всякую мысль о борьбѣ съ темными силами своей страны. *И сдѣлались темными сами.*

Младотурки—почти сплошь необразованные въ европейскомъ смыслѣ люди. Но всѣ они, хотя и поверхностно, знакомы съ ходомъ французской революціи, преимущественно по Луи Блану, и очень любятъ сравненія съ ея дѣятелями. И дѣйствительно, нужно признать чисто *робеспьеровскую* готовность *Талаата* пожертвовать во имя общественнаго блага жизнью любого изъ согражданъ. Можно, пожалуй, отыскать въ *Джавидѣ* нѣкоторыя черты *Неккера*; можно сказать, что калѣмъ *Хуссейна Джахида* иногда удачно подражалъ перу *Камилла Демулэна*, и допустить, что въ области сыска *Фуше* могъ бы поучиться у *Джемалы*. Но все же этого было недостаточно для преобразованія *Турецкой имперіи*. Борьба съ ужаснымъ невѣжествомъ и съ религіознымъ

фанатизмомъ турецкаго народа была не подъ силу среднимъ людямъ, возмнившимъ себя героями великой французской революціи и оказавшимся только *Баррасами*. Лучшихъ изъ нихъ испортило первое прикосновеніе къ власти, за ними жадно къ ней потянулись другіе, и борьба за идеалы слишкомъ скоро превратилась въ борьбу за личные интересы, приведя въ конечномъ итогѣ къ анархіи, диктатурѣ счастливаго авантюриста и подпаденію иноземному игу. Тѣ самые младотурецкіе офицеры, которые подняли въ 1908 году возстаніе во имя освобожденія Турціи отъ европейскаго вмѣшательства, сегодня — простыя пѣшки въ рукахъ германскаго генеральнаго штаба.

Трагедія турецкаго народа заключается въ томъ, что со дня своего появленія на всемірной аренѣ онъ не сдѣлалъ *ничего* для оправданія своего существованія съ точки зрѣнія культуры. Въ жизнь другихъ народовъ онъ входилъ только потоками крови и слезъ. Онъ несъ имъ порабощеніе иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, порабощеніе женщины, порабощеніе мысли, — рабство, одно только *рабство*. И, получивъ господство надъ старинными культурными расами — греками, арабами и армянами, надъ полными свѣтлыхъ жизненныхъ силъ славянскими народами, завладѣвъ дивнымъ градомъ, достойнымъ стать столицей міра, турецкій народъ застылъ. Со всѣхъ сторонъ затянула его паутина мусульманской схоластики, и ни въ одной области человѣческаго духа онъ не проявилъ проблесковъ живого творчества. Принявъ вѣру отъ совершенно чуждыхъ ему по племени арабовъ, онъ не сумѣлъ создать національную мусульманскую церковь. Бѣдный турецкій языкъ отказывается служить абстрактному мышленію и черпаетъ изъ океана арабской словесности почти весь свой запасъ отвлеченныхъ понятій. Но и облекшись въ роскошное одѣяніе арабской мысли, украсившись драгоценными камнями, похищенными изъ сокровищницы персидской поэзіи, турецкій народъ все же не родилъ ни одной великой новой идеи. Не услыхалъ отъ него міръ новыхъ звуковъ и пѣсень, не узрѣлъ новыхъ формъ или образовъ. Не завѣщалъ турецкій народъ потомству ни одного имени поэта, художника, ваятеля, музыканта, ученаго, которое съ восторгомъ и любовью повторяло бы челоуѣчество. Это — *народъ-пустоцвѣтъ*. Историческая миссія его была исключительно разрушительная, а для разрушенія — души не требуется. Но для созданія національныхъ устоевъ жизни душа *нужна*, а ея-то у Турціи не оказалось. И тщетно старались одно время вложить въ нее эту душу младотурки. Они сами оказались плотью отъ мертвой плоти.

И теперь этой безжизненной, инертной массой распоряжается Германія. Она, конечно, не хочетъ вдохнуть новую жизнь въ Турецкую имперію. Ей нужно только гальванизировать ее на время войны. А потому Германія обращается ко всѣмъ атавистическимъ инстинктамъ ту-рокъ и, между прочимъ, старается разжечь ихъ воображеніе старымъ

призракомъ священной войны. И вотъ эта-то возмутительная игра Германіи съ исламомъ и подчиненіе этой игрѣ Турціи мнѣ кажутся какъ нельзя болѣе характерными и для первой, и для послѣдней. Я позволяю себѣ поэтому нѣсколько на ней остановиться.

Итакъ, противъ насъ ведется священная война—*джигадъ*, противъ насъ, „невѣрныхъ“ русскихъ, французовъ, англичанъ, какъ враговъ ислама; но какъ себѣ объяснить, что война эта ведется въ союзѣ со столь же „невѣрнымъ“ гяуромъ, германскимъ императоромъ, и подъ руководствомъ его генераловъ? Неужели согласно съ кораномъ и шеріатомъ такое братство по оружію правовѣрныхъ сыновъ пророка съ невѣрными?

Отвѣта на этотъ вопросъ я сталъ искать прежде всего въ *воззваніи*, еще за мѣсяцъ до войны съ нами распространявшемся въ Константинополѣ отъ имени панисламистскихъ организацій. Чтеніе этого воззванія, однако, только усилило мои сомнѣнія. Въ немъ доказывается, что священная война обязательна, потому что *мусульмане* всѣхъ странъ братья и должны приходить на помощь другъ другу. Если какой-нибудь мусульманскій народъ преслѣдуется и угнетается другимъ, невѣрнымъ народомъ, мусульмане всѣхъ странъ должны стараться освободить его. „Если въ особенности Халифъ, намѣстникъ нашего Пророка Мухаммеда (да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха), и мусульмане, живущіе въ мѣстопробываніи Халифата, угнетаются жестокими невѣрными,—священная война становится обязательной для *всѣхъ* вообще вѣрующихъ“. Воззваніе указываетъ затѣмъ на преслѣдованія, которымъ мусульмане подвергаются въ Индіи, Россіи, Персіи, Египтѣ, Алжирѣ, Тунисѣ, Марокко, и добавляетъ, что „сама столица Халифата, подъ разными предлогами, подвергается часто опасности со стороны невѣрныхъ“. Невѣрные враги, желающіе погасить огонь ислама, названы по имени: это *англичане, французы и русскіе*.

Такимъ образомъ, воззваніе явно направлено *противъ тройственного согласія*. Но тутъ же приводятся слѣдующіе стихи изъ корана: „О вѣрующіе! Не ищите поддержки у людей, принявшихъ Писаніе... Не дружите съ христіанами... Тотъ, кто ихъ изберетъ друзьями, будетъ походить на нихъ, а Аллахъ не будетъ путеводителемъ совратившихся“... Изъ этихъ стиховъ съ очевидностью слѣдуетъ, что поддержки въ священной войнѣ у нѣмцевъ, какъ христіанъ, искать *не слѣдуетъ*; наоборотъ, чтеніе того же воззванія скорѣе наводитъ на мысль, что мусульмане всего міра исполнили бы священный долгъ, если бы выгнали нѣмцевъ изъ столицы халифата.

Какъ же объяснить себѣ противорѣчивый характеръ воззванія? Какъ могли нѣмцы, подъ очевиднымъ внушеніемъ коихъ оно составлено, допустить такую опасную для нихъ редакцію? *Неужели они все уже приняли исламъ и потому стихи корана къ нимъ не примѣнимы?*

Какъ это предположеніе ни кажется, на первый взглядъ, чудовищнымъ, все же нельзя найти другого объясненія указанному противорѣчію. Къ тому же все учащаются вѣсти изъ Турціи о томъ, что нѣмцы внушаютъ мусульманамъ имперіи, что ихъ императоръ *Хаджи-Мухаммедъ-Вильгельмъ* самъ уже сталъ добрымъ мусульманиномъ. Наконецъ, не приходится особенно удивляться тому, что люди, считающіе совмѣстимымъ съ *честью* состоять одновременно въ двухъ подданствахъ, считаютъ столь же совмѣстимымъ съ *совѣстью* служить разомъ двумъ богамъ. У себя на родинѣ нѣмецкіе генералы, офицеры и солдаты, разумѣется, продолжаютъ считаться протестантами или католиками.

Но, съ другой стороны, нельзя допустить, чтобы такое кощунственное отношеніе къ вѣрѣ пришло бы по сердцу всѣмъ мусульманамъ. Поэтому представляется интереснымъ уяснить себѣ отношеніе къ нынѣшней „священной войнѣ“ тѣхъ изъ нихъ, которые въ глубинѣ душъ своихъ не считаютъ фонъ-Сандерса, фонъ-деръ Гольца и барона Вангенгейма правовѣрными мусульманами.

Какъ извѣстно, исламъ основанъ не на одномъ *коранѣ*, а еще на *суннѣ* (преданіи), *иджма* (согласіи мусульманскаго общества) и *кιάсѣ* (толкованіи священныхъ текстовъ учеными богословами). Послѣдній источникъ мусульманскаго священнаго права получилъ особенное развитіе; и, конечно, какъ правовѣрнымъ, такъ въ особенности намъ, невѣрнымъ гяурамъ, трудно уяснить себѣ смыслъ ислама, не прибѣгая къ авторитетамъ великихъ его учителей.

Итакъ, желая уяснить себѣ смыслъ происходящаго, смыслъ священной войны, объявляемой халифомъ Мухаммедъ-Решадомъ купно съ Вильгельмомъ, я раскрылъ трактатъ знаменитаго мусульманскаго государствовѣда *Маверди*, родившагося въ 364 году Хиджры въ Басрѣ и умершаго въ 450 году Х. (т.-е. въ 1058 году послѣ Рождества Христова) въ Багдадѣ, при Аббасидахъ. Трактатъ этотъ называется „*Эль-Ахкамъ-эс-Султаніе*“, т.-е. „Правила суверенной власти“. ¹⁾ И вотъ какія мѣста, удивительно подходящія къ переживаемому Турціей моменту, я нашелъ въ главѣ первой „о заключеніи договора *Халифата*“.

„Отсутствіе свободы дѣйствій (Халифа) вытекаетъ изъ двухъ состояній: запрещенія и насилія. Говорятъ, что имѣется налицо *запрещеніе*, когда Халифъ находится подъ влияніемъ кого-либо изъ его подчиненныхъ, который фактически присвоилъ себѣ осуществленіе власти, хотя внѣшнимъ образомъ и не проявляетъ ни непослушанія, ни несогласія. Такое положеніе вещей само по себѣ не препятствуетъ тому, чтобы порабощенный монархъ оставался Халифомъ, и не влияетъ на

¹⁾ Ср. французскій переводъ и комментаріи графа *Остророга*. (El-Ahkam Es-Soultaniya, Traité de Droit Public Musulman d'El-Mawerdi, traduit et annoté par le Comte Léon Ostrorog, Paris, 1901).

дѣйствительность его правомочій (валаая); нужно, однако, обращать вниманіе на характеръ дѣйствій *того, кто* господствуетъ надъ Халифомъ при осуществленіи власти, и различать. Если дѣйствія этого человѣка согласны съ предписаніями религіи и требованіями справедливости, то Халифу дозволено не препятствовать этому человѣку, дабы обезпечить окончаніе начатыхъ дѣлъ и исполненіе принятыхъ рѣшеній и избѣгать остановки въ дѣлахъ шеріата, могущей вызвать безпорядокъ, вредный для націи. Но если дѣйствія этого человѣка несогласны съ началами вѣры и справедливости, то Халифу не дозволяется терпѣть ихъ; онъ долженъ искать себѣ защитника, который связалъ бы руки узурпатору и положилъ бы предѣлъ злоупотребленію властью“. 1)

Это мѣсто Маверди можно только рекомендовать вниманію Энвера-паши. Оно написано какъ бы прямо для него. Маверди продолжаетъ: „Когда послѣ заключенія договора Халифата происходитъ *насиліе*, то весь народъ долженъ способствовать освобожденію халифа, вслѣдствіе обязанности помощи, которая лежитъ на немъ въ силу этого договора. Халифъ-плѣнникъ остается держателемъ Халифата, пока есть надежда на его освобожденіе, пока рассчитываютъ спасти его изъ плѣна путемъ борьбы или посредствомъ выкупа. Если же надежда на освобожденіе потеряна, то слѣдуетъ различать, въ зависимости отъ того, въ плѣну ли Халифъ у мусульманъ-схизматиковъ или у невѣрныхъ“.

„Когда Халифъ въ плѣну у невѣрныхъ, онъ лишается своихъ правъ на Халифатъ, если потеряна надежда на его освобожденіе; а избираемые должны присягнуть другому Халифу...“ 2)

Мнѣ кажется всетаки, что султанъ Мухаммедъ-Решадъ въ плѣну не у мусульманъ, а у невѣрныхъ. И поэтому, если не отрицать весьма большого авторитета Маверди, всѣ мусульмане должны были бы возстать какъ одинъ человѣкъ и освободить его отъ германцевъ. Если же мусульмане этого не дѣлаютъ, если они слишкомъ слабы для этого и надеждъ на спасеніе султана изъ рукъ Вангенгейма и Энвера у нихъ нѣтъ, то они должны избрать себѣ гдѣ-нибудь, ну хотя бы въ Багдадѣ, другого халифа. Во всякомъ случаѣ халифъ-плѣнникъ невѣрныхъ не можетъ призывать мусульманъ на священную войну съ врагами этихъ невѣрныхъ. Такой нелѣпый призывъ, очевидно, объясняется совершаемымъ надъ нимъ насиліемъ и для мусульманъ, конечно, не можетъ считаться обязательнымъ...

До великаго, несмываемаго позора Германія довела Турцію. Она съ ней поступила хуже, чѣмъ съ Бельгіей. У Бельгіи она отняла террито-

1) См. *Mawerdi—Ostroròg*, I. c., p. 187—188.

2) См. *Mawerdi—Ostroròg*, I. c., p. 189—190.

рію, но сіяеть еще болѣе яркимъ свѣтомъ народъ бельгійскій и остался онъ державой, хотя и безземельной. Турцію Германія держитъ не одною физическою силою, не однимъ „Гебеномъ“ или Сандерсомъ. Она вполне подчинила ее своей современной позорной идеологии, она укрѣпила въ ней культъ грубой силы, она льстила всѣмъ ея низменнымъ кровожаднымъ инстинктамъ, она влила въ кровь жестокихъ по-перво-бытному турокъ ядъ утонченнаго нѣмецкаго варварства и, наконецъ, она научила Турцію *играть своею религіею*. Нѣтъ, Германія не растлила Турцію; имперія оттомановъ была уже въ достаточной мѣрѣ развращена, когда она упала въ нѣмецкія объятія. Но Германія сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы ускорить процессъ турецкаго разложенья.

Не страшна Россіи эта „священнная война“,—Россіи, которая ведетъ *войну священную*. Джехадъ Вильгельма—жалкая комедія, и Энверъ-паша уже испыталъ, какъ мало зеленое знамя вдохновляетъ его полчища въ бою съ русскими. Ничего, кромѣ лишняго позора, для Германіи изъ этой затѣи не выйдетъ. Но чего же стобить народъ, который переносить такое издѣвательство надъ своей вѣрою? И какой судьбы онъ достоинъ?

Я позволю себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ въ связи со своими личными воспоминаніями и впечатлѣніями. 16 лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ столицу Оттоманской имперіи, весь пропитанный великодушными идеями петроградской alma mater и благородными завѣтами Сорбонны. Мое международное *credo* вполне обнималось тогда чудными словами знаменитаго *бельгійскаго* ученаго Лорана: „Toutes les nations sont de Dieu“—*всѣ націи отъ Бога. Каждая имѣетъ свою миссію въ этомъ мірѣ, каждая должна сказать свое слово грядущимъ поколѣніямъ. Я зналъ, конечно, что націи, какъ и люди, совершаютъ и ошибки, и преступленія. Но я примѣнялъ къ народамъ великія слова Достоевскаго, завѣщавшаго намъ карать преступника, не унижая личности человѣка. И грядущій судъ націй, въ моемъ представленіи, долженъ былъ карать виновные народы, но не унижать ихъ національнаго лица, не касаться ихъ божественной сущности.*

Я ѣздилъ по полямъ и селамъ Македоніи во время турецкаго владычества, и все, что я тамъ видѣлъ, преисполнило мое сердце глубокой ненависти къ притѣснителямъ и убійцамъ славянъ. Но я видѣлъ также, что на-ряду съ хрисціанами страдали отъ террора Абдула-Хамида и сами турки, и я склоненъ былъ ужасъ режима приписать, главнымъ образомъ, красному султану. А потому, когда младотурки сбросили однимъ смѣлымъ движеніемъ это позорное иго, когда восторженные турецкіе офицеры упали въ объятія болгарскихъ четниковъ, когда надъ всей Турціей пронесся кличъ любви и братства, я почувствовалъ большое облегченіе. Я повѣрилъ—не въ возрожденіе, а въ *рожденіе* турецкаго на-

родного духа. Я подумалъ, что для освобожденія и счастья другихъ народовъ Оттоманской имперіи не нужно будетъ смерти народа турецкаго. Мнѣ казалось, что народъ этотъ внялъ, наконецъ, голосу цивилизованнаго міра, готоваго признать его своимъ равноправнымъ членомъ, *если* только онъ докажетъ, что можетъ жить самъ собою, своими силами, не питаясь кровью христіанскихъ народовъ.

Для тѣхъ, кто сдѣлали мнѣ честь прочесть этотъ очеркъ, излишне говорить, что мои иллюзіи очень скоро исчезли. Не знаю, сказалъ ли бы Лоранъ, если бы онъ дожилъ до настоящаго дня, на дымящихся развалинахъ Бельгіи: „L'Allemagne est de Dieu!“? призналъ ли бы онъ божественную сущность *современной* Германіи?! Что же касается меня,—я рѣшаюсь говорить о себѣ, конечно, лишь потому, что моя эволюція можетъ представить нѣкоторый интересъ, какъ эволюція очевидца и гамидовскаго режима, и младотурецкой эпопеи,—то я измѣню теперь формулу Лорана въ слѣдующемъ смыслѣ: народы могутъ считаться „отъ Бога“, только пока они не потеряли облика Божьяго. Конечно, каждый, даже самый маленькій, народъ—будь то черемисскій, или вотяцкій—исполняетъ или исполнялъ какую-нибудь, намъ не всегда понятную, историческую миссію, и поэтому *необходимъ*. Но чувство исторической необходимости въ сердцахъ и людей, и народовъ сочетается съ чувствомъ отвѣтственности за свои дѣянія. Народы не могутъ спокойно взирать на то, какъ одинъ изъ нихъ попираетъ всѣ Божескіе и человѣческіе законы, какъ онъ опускается ниже того уровня, который установленъ данной эпохой какъ нравственный минимумъ. Такой народъ тогда уже *не* отъ Бога, и не можетъ быть терпимъ. *Отъ Бога—борьба* противъ него, *безпощадная борьба*, пока онъ не приметъ вновь облика Божьяго или пока не погибнетъ.

Турецкій народъ давно уже завершилъ свою разрушительную миссію. Исторія хотѣла, чтобы онъ положилъ конецъ разлагающейся Византіи, но она не допустила, чтобы мертвая турецкая хватка сдерживала порывы полныхъ жизни народовъ. Въ *последній* разъ за турецкимъ народомъ условно было признано *право на существованіе*. Нынѣ онъ потерялъ это право—и по винѣ Германіи, и по своей собственной. Турецкій народъ не услышалъ голоса жизни и далъ нѣмецкой рукѣ толкнуть себя въ бездну. Много разъ уже красный полумѣсяцъ поднимался надъ ареною всемірной исторіи. Теперь онъ опять идетъ на убыль. И всѣ мы надѣмся, всѣ мы вѣримъ, все въ насъ говоритъ, что въ Европѣ не будетъ болѣе турецкаго новолунія.

34008c

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Лѣсной пр. (бывш. Нюстадская), 6.

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора „Введение въ метафизику“. Перев. С. Гессена и М. Грюнвальда. Стр. 238. Цѣна 1 р. 50 к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный перев. съ франц. В. Флеровой. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна 1 р. 75 к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. В. Г. Маламѣевой-Миросвичъ и М. В. Шижъ. Подъ ред. С. В. Лурье. Стр. 518. Цѣна 2 р. 50 к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмек. С. Л. Франка. Съ двумя портретами автора и вступительной статьёй переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія С. Л. Франка. Стр. 256. Цѣна 1 р. 80 к.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКИЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли“, ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна 3 рубля.

А. С. ИЗГОВЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна 1 р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной“ Россіи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II, 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна 15 к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). Русская литература по **ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г.—декабрь 1912 г.). Библиографическій обзоръ. Стр. 55. Цѣна 60 к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.) Стр. 56. Цѣна 60 коп. Вып. третій (декабрь 1913 г.—декабрь 1914 г.) Стр. 50. Цѣна 60 коп.

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Стр. 40. Цѣна 60 к.

ПЕТРЪ СТРУВЕ. Гр. С. Ю. Витте. Опытъ исторической характеристики. Отд. оттискъ изъ *Русской Мысли*. Цѣна 25 коп.

А. Н. МАНДЕЛЬШТАМЪ. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. Стр. 68. Цѣна 75 коп.

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Буинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна 1 р. 75 к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развѣваемыхъ въ нихъ мыслей... Я старалась уяснить себѣ основы эстетики“.

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опытъ по теоріи творчества и эстетики. Содержаніе: Цѣль творчества. (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческий процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—Красота и свобода.—Цвѣты и кристаллы.—Искусство вонючій.—Тишина.—О воздушныхъ мостахъ критики.—Путь и цѣль въ искусствѣ.—Дитя и гений. Стр. 253. Цѣна 1 р. 75 к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (перевела) Объ Онассеиѣ и Николетъ. Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатается:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія В. Ф. Геддингса.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Лѣсной просп. [бывш. Нюстадская], 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Москва, Пименовская ул., соб. д.

